



Тайны Земли Русской

Александр Быков

Эпоха Куликовской битвы

2004

Быков А. В.

Эпоха Куликовской битвы / А. В. Быков — 2004 — (Тайны Земли Русской)

Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках – одно из самых важнейших и сложных явлений отечественной истории. Однако и в дореволюционной, и в советской историографии практиковалась односторонняя оценка этой эпохи исключительно с позиции «мы болеем за Москву!». Любые действия, ведущие к усилению Московского княжества, рассматривались историками как прогрессивные и этически оправданные, а любое им противодействие – как проявление реакции и даже как предательство национальных интересов Руси. Но нельзя судить о событиях прошлого с помощью современных понятий и этических установок или с позиций сиюминутной политической конъюнктуры. Ведь у каждой из сторон была «своя правда», которую порой трудно увидеть. Молодые пензенские ученые А.В. Быков и О.В. Кузьмина показывают читателям закулисную политическую борьбу эпохи Куликовской битвы. Было ли татаро-монгольское иго на Руси? Когда и где родилась мечта о едином государстве Российском? Действительно ли митрополит Алексей был «русским Ришелье»? Кто спровоцировал Куликовскую битву? Был ли Олег Рязанский предателем Русской земли? Кто стоял во главе заговора против Дмитрия Донского? Кто помешал объединению всех русских земель в конце XIV века?.. Авторы провели тщательное изучение этих и иных проблем, что помогло развеять многие заблуждения исторической науки и привело к неожиданным выводам.

© БЫКОВ А. В., 2004

Содержание

ОТ АВТОРОВ	6
ЗАЧИН	8
БУМАГА ВСЕ СТЕРПИТ	8
УБИЙСТВО ДИВНОЕ И НЕЗНАЕМОЕ	13
НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ КАРЬЕРЫ	15
ПЕЧАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	16
МОСКВА БОЯРСКАЯ	21
МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ – РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ	23
ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ – ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО	26
ЭКСКУРСИЯ В САРАЙ	29
ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ	31
ОРДЫНСКАЯ ДАНЬ	38
ЛИТОВСКАЯ ЭКСПАНСИЯ	42
АКУЛЫ ТОРГОВОГО БИЗНЕСА	45
ВРЕМЯ БЕСПРЕДЕЛА	50
КНЯЖЕСКАЯ ОХОТА	50
ЦАРСКАЯ КРОВЬ	54
КАК ВОЕВАЛИ В КОНЦЕ XIV ВЕКА	56
МОСКВА: ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИ	73
БЕЗ ЦАРСКОЙ ЗАЩИТЫ	78
ЛИТОВЩИНА	83
ПУТАНИЦА С ЯРЛЫКАМИ	88
ДЕЛА ЦАРЬГРАДСКИЕ	91
ПЕРЕД ГРОЗОЙ	93
КТО ТАКИЕ ТАТАРЫ?	93
СПЕЦАГЕНТ КИПРИАН	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Быков А.В., Кузьмина О.В. Эпоха Куликовской битвы

ОТ АВТОРОВ

История не должна воспитывать чувства собственного превосходства, она должна учить взаимопониманию. Не судить, но понимать – таков девиз историка вообще и в особенности историка конца XX века.

А. Гуревич

Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках – одно из самых важных и многогранных явлений отечественной истории. Однако и в дореволюционной, и в советской России практиковалась односторонняя оценка этой эпохи – исключительно с позиции «мы болеем за Москву!». Любые действия, ведущие к усилению Московского княжества, рассматривались историками как прогрессивные и этически оправданные, а любое им противодействие – как проявление реакции и даже как предательство национальных интересов России.

Но историю нельзя представлять в виде черно-белых картинок борьбы «добра» со «злом», тем более что под «добром» и «прогрессом» обычно подразумеваются современные идеалы, а под «злом» и «регрессом» – все, что в эти рамки не вписывается.

Но судить таким образом о событиях прошлого – большая ошибка. История создания Русского централизованного государства связана с целым рядом войн и восстаний, в которых участвовали самые широкие слои населения. Стало быть, у каждой из сторон была «своя правда». И людям современным необходимо постараться ее увидеть.

При создании этой книги авторы пытались сквозь толщу веков услышать голоса живых людей Средневековья, понять мотивы их поступков.

Однако при изучении первоисточников нам пришлось учитывать, что основная масса сохранившихся до нашего времени письменных документов XIV – XV веков – летописей, актового материала – связана либо с московской великокняжеской властью, либо с митрополичьим двором. Поэтому особое внимание мы уделили независимому летописанию Новгородскому, Рязанскому, Тверскому).

Следует отметить также, что многие письменные источники XIV – XV веков дошли до нас в более поздних редакциях, относящихся к XVI – XVII векам. В тот период традиция независимого летописания уже иссякла, а Москва прочно утвердила свою позицию столицы Русского государства. Кроме того, к этому времени в сознании русских изменился сам образ татарины-ордынца, некогда твердого государственника. Так как после распада Золотой Орды на ее территории образовались независимые, постоянно воюющие между собой ханства: Сибирское, Казанское, Крымское, Астраханское и т. д. А в Диком Поле появилось множество полубандитских, неподконтрольных никакому правительству шаек, занимающихся разбоем и работорговлей, которые препятствовали земледельческому освоению причерноморской и поволжской степей, что было актуальной проблемой для России в XVI-XVII вв.

Платить дань этим «наследникам» Золотой Орды было бессмысленно, поскольку они не могли гарантировать взамен никакой защиты. И описанные в источниках XIV – XV веков события начинают переосмысливаться и, соответственно, редактироваться в этом ключе.

Только сравнительный анализ всех доступных нам документов письменных, изобразительных, археологических) помогает нарисовать наиболее полную и внутренне непротиворечивую картину Древней Руси эпохи Куликовской битвы.

В своей книге мы рисуем портреты конкретных людей – видных деятелей XIV – начала XV века. Это Дмитрий Донской, Олег Рязанский, митрополит Алексей и многие другие, кто вершил судьбы народов в эпоху Куликовской битвы. Чтобы понять их, нужно думать и оценивать события, оперируя этическими нормами и понятиями того времени.

Именно такой подход раскрывает нам те тайные пружины истории, которые не заметили или проигнорировали специалисты, оценивавшие действия наших героев с позиций сегодняшнего дня, или, того хуже, – с позиций сиюминутной политической конъюнктуры.

Эта книга – историческое расследование, цель которого – сделать тайное явным. Это своеобразный исторический детектив, поиск, в котором мы предлагаем принять участие читателю.

Было ли татаро-монгольское иго на Руси? Когда и где родилась мечта о едином государстве Российском? Действительно ли митрополит Алексей был «русским Ришелье»? Кто спровоцировал Куликовскую битву? Был ли Олег Рязанский предателем Русской земли? Кто стоял во главе заговора против Дмитрия Донского? Кто помешал объединению всех русских земель в конце XIV века?

Мы провели самое тщательное расследование, которое помогло развеять многие заблуждения исторической науки и привело к нескольким неожиданным выводам, которые мы и предлагаем читателю.

ЗАЧИН

*Хоть бы в Орде, только бы в добре.
Народная мудрость*

БУМАГА ВСЕ СТЕРПИТ

На улице уже стемнело, и свет едва пробивался в комнатку сквозь разноцветные слюдяные окошки. Инок стоял, задумчиво склонившись над наполовину исписанным листом пергамента, и, чуть шевеля губами, перечитывал написанный недавно текст:

– В лето 6864 от сотворения мира... так... Той же осени Алексей, митрополит всея Руси, ходил снова в Царьград, милостию Божиею и молитвами святой Богородицы, той же осени море перешел, и на Русь прииде... – Инок перестал водить пожелтевшим ногтем по строкам летописания и натужно разогнулся.

Близоруко прищурившись, обвел комнату взглядом. Сидящий в уголке, у печи, мальчишка, старательно пыхтя, соскребал ножом надписи с большого пергаментного листа.

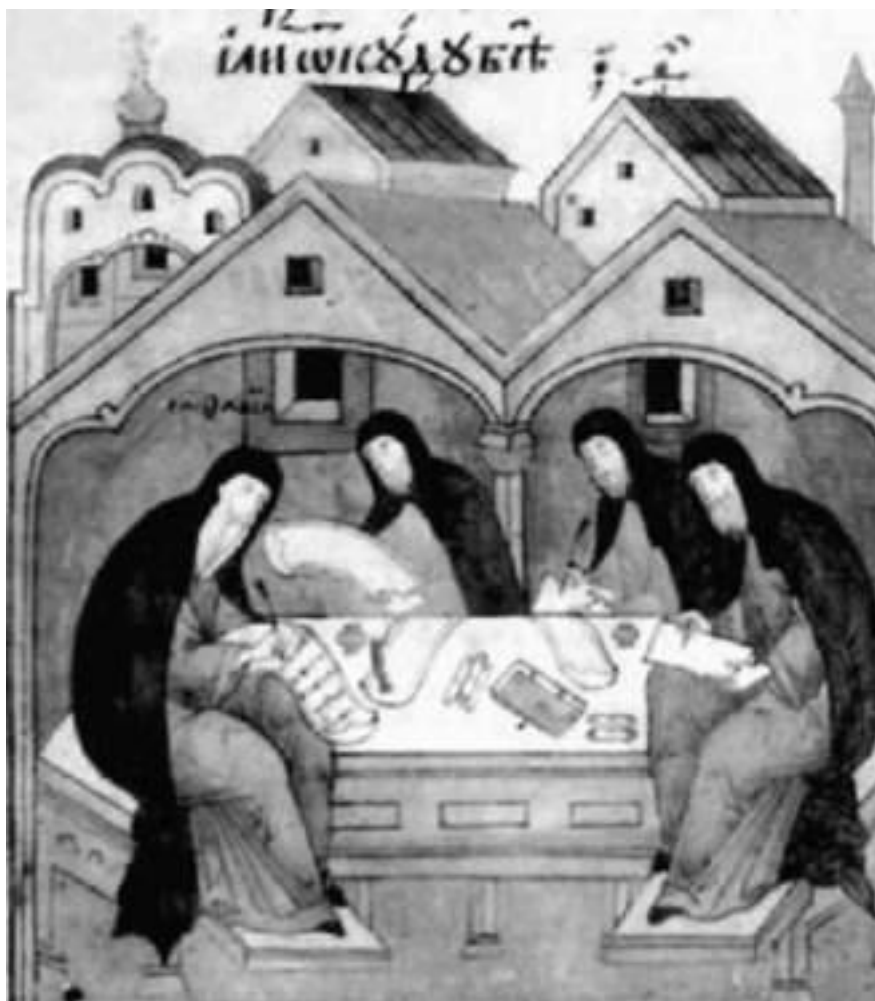
«Ежели этот лист вчетверо сложить, то будет тетрадь для требника... Эх, не жалеют латиняне денег-то на пергаменты... Хорошо, что Митька по-латински не понимает еще. Вот и не смутит ему душу крыжацкая ересь... А папских булл у нас еще мно-ого. С этих буквицы соскоблим, да на дело пергаменты пустим, а латиняне другой год еще нам пришлют. На копеечку, а все же экономия».

Монах снова посмотрел на рукопись и недовольно протер глаза.

– Темно у нас, что ли?... слышишь, Митяй?!

– А? – мальчишка встрепенулся и с надеждой привстал. – За кваском сбегать, отче?

– Все бы тебе бегать, пострел, – укоризненно покачал головой монах. – Запали, вон, лучину. Темно уже.



Монахи пишут летопись. Гравюра Лицевого свода XVI в.

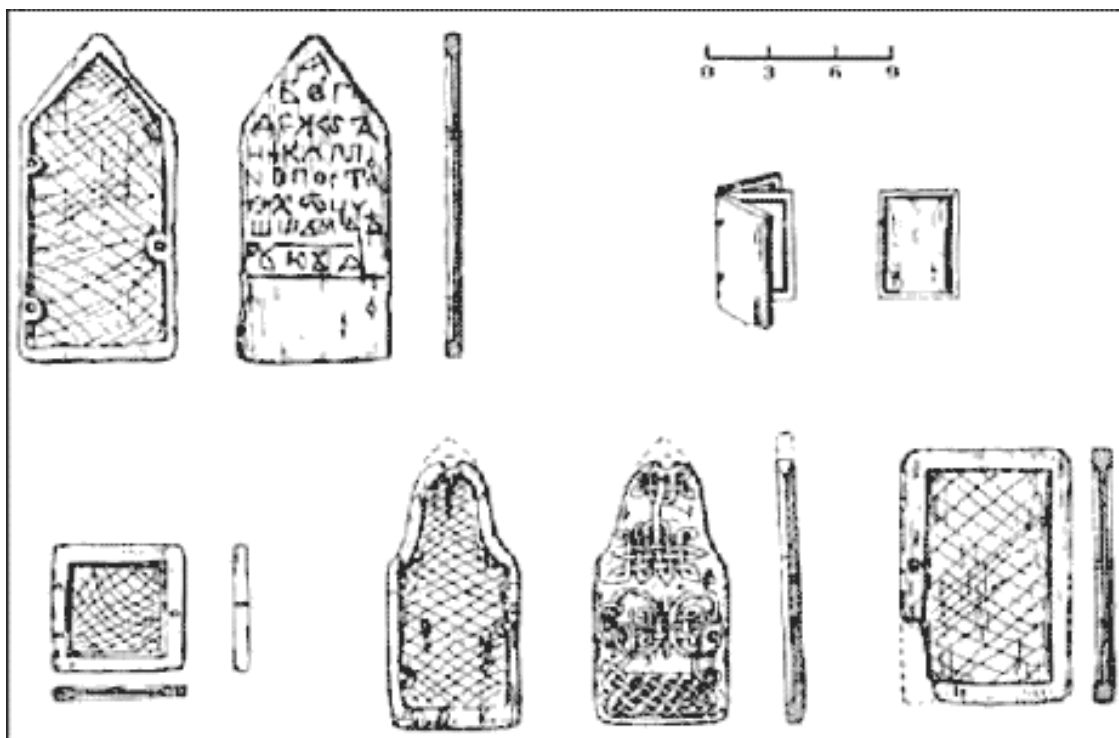
– Ага, – отрок кивнул и, нашарив на подшестке печи кремень с огнивом, принялся торопливо лязгать железом о камень. Искры полетели на трут, но огонь что-то не спешил заниматься.

– От печи запали, дурень. Что понапрасну-то лязгаешь, коли печка горит? – недовольно нахмурился инок.

Мальчишка обиженно закусил губу, но молча отодвинул печную заслонку, засунул внутрь длинную, тонкую лучину и вынул ее уже ярко пылающей.

– Ну вот. Заслонку-то на место верни, – улыбнувшись, кивнул мальчишке монах и, закрепив лучину в торчащем из стены поставце, снова посмотрел на летопись. – Хорошо глазам. Все буквы теперь, аки ясным днем, видны... Пора и запись делать.

Тщательно заточенное гусиное перо уже лежало у него под рукой, однако монах не торопился наносить на разлинованный пергаментный лист новые строки. Сперва он вынул из поясной коробочки и открыл церу – маленькую, удобно умещающуюся на ладони деревянную записную книжечку со страничками, покрытыми слоем воска.

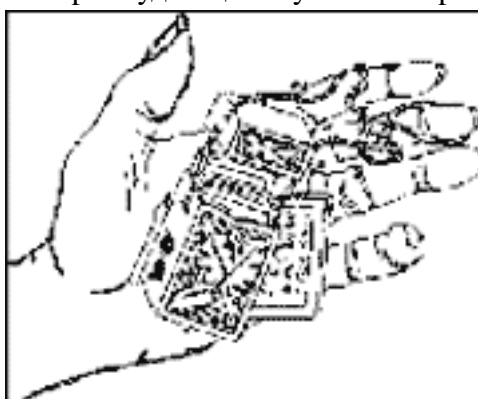


Щипки (по археологическим находкам в Новгороде)

Положив книжечку рядом с листом, старец прочел сделанную вчера на щипке для памяти надпись:

«Той же зимы, в день святого отца Симеона и Анны пророчицы, в то время, когда заутреню благовестят, тысяцкий московский Алексей Петрович Босоволков, по прозванию Хвост, убиен был от княжьих бояр великих Михаила и зятя его Василия Васильевича Вельяминова. И брошен был среди града на площади...»

«Ох, нехорошо... Нехорошо-то как получается, – с досадой подергал себя за бороду инок. – Натворят делов бояре, а я пиши. Князь-то Иван Иванович в Орду уехамши. И бояре Вельяминовы утекли из Москвы, от греха подальше, с семьями. В Рязань ли, дальше ли в Орду, неведомо. А мне запись делать пора. Куда еще тянуть-то? Март на носу. Год заканчивается¹.



¹ Год в Древней Руси начинался весной, с 1 марта.

Футляр для церы

Новую запись делать надобно. Вот пропишу Вельяминовых убивцами, а князь возьмет да и простит их. Что же мне тогда, голову долой?.. Ладно, коли меня одного князь накажет. Вся ведь обитель без милостыни княжьей останется. А как князь, так и бояре его. Никто же копеечки нам тогда не подаст...»

Монах тяжело вздохнул, взял в руку костяное писало и, развернув его острием к себе, лопаточкой принялся разглаживать на цере воск, стирая обличающие бояр Вельяминовых слова. Потом он перечел оставшееся: «Тысяцкий Алексей Петрович Босоволков, по прозванию Хвост, убиен был...»

Инок пожевал губами, стер «убиен был» и вместо этих слов нанес острием писала: «по бесовскому прельщению сам же себе убиеша...»

– Вот. Так-то лучше... Или не лучше? – старец еще раз перечитал получившуюся запись: «Хвост по бесовскому прельщению сам же себе убиеша...»

«Ох, опять неладно! Кабы он самоубивец был, так его и на кладбище хоронить бы не стали. Таких и отпевать-то грешно... А ведь похоронили же, и отпели уже... И совсем это плохо получается. Будто я поклеп на Алексея Петровича возвожу, в смертном грехе его обличая. Да меня ж Босоволковы за такое в порошок сотрут!.. Прости, Господи! Нельзя эдак-то писать. С какого боку не посмотришь – все лихо...»

Монах решительно взялся за писало и лопаткой затер срамящие тысяцкого слова.

«А ежели вот так? – он вывел после слова Хвост: – Убиен был неведомо кем. То ли татями ночными, то ли иными разбойными людьми...»

В поставце горела, тревожно потрескивая, лучина, а мальчишка шумно ерзал у монаха под боком.

– Нет. Не то, – иннок недовольно поморщился. – Выходит, что же? По Москве ночью даже тысяцкий пройти спокойно не может? На Москву всю, да на стражей ночных, выходит, поклеп?! Да и не только в этом дело... Охо-хо. Грехи наши тяжкие... Ведь испросит же меня Господь всеблагий на страшном суде: «Почто изолгал ты Алексея Хвоста? Почто про убийство его в летописании твоём лжа написана?»

Тяжко неправду писать. А правду писать страшно. Поедом бояре друг друга едят. До смерти убивают. Как убит он был? Где охрана его была, где дружина? Никогда не ходил Хвост один, ни ночью, ни днем даже, но всегда в окружении верных людей своих. А среди верных тех и бояре Михаил и Василий Васильевич были!.. Вот и ответ. Вся Москва тот ответ знает. Но слово сказать – то одно, а вписать в погодную запись – иное. Казнит князь убивцев сих, али изгонит их, то и ладно. А если простит?.. Надоумь, Господи, как пред лицом твоим не солгать, но и обитель уберечь от гнева княжьего да боярского?»

– Все, отче! Отскобил! – довольно вскочил с места Митяй. – Теперь можно за квасом сбегать?

– Иди уж, – махнул рукой иннок. – И мне прихвати. Да скажи Андрейке, пусть поесть чего-нибудь нам соберет. В трапезную не пойду нынче. Занят я...

Мальчишка, нетерпеливо дослушав, тут же сиганул вон, забыв прикрыть за собой тяжелую дубовую дверь.

– Охо-хо, Митька. Никакого-то в тебе благолепия, – прокряхтел монах, закрывая дверь плотнее, – суета одна мирская... Вот Андрей, тот другое дело. Андрейка дело знает... А Хвост-то, выходит, равно как князь Андрей Боголюбский, от своих же мечем посечен... – Монах вдруг замолк и, схватив писало, склонился над церой... «...убиение же его дивно и незнаемо, аки ни от кого же никем же, только найден лежащим на площади. Некие же люди говорили, что втайне сговорились и зло задумали на него враги, и так их общею думою, словно

Андрей Боголюбский от Кучковичей, так и Хвост от своей дружины пострадал...» – каллиграфическим почерком вывел он через некоторое время на желтом пергаментном листе и довольно улыбаясь размял пальцы.

– Некие же люди говорили... Вот так-то! Дверь со скрипом отворилась, и через порог резво перескочил Митяй со жбанчиком кваса в руках.

– Вот, – он выдохнул и установил жбанчик с плавающим в нем ковшом на широкую скамью. – Андрейка сказал, что трапеза не готова еще. Но чтобы я потом снова сбегал, когда доспеет...

– А как же ты узнаешь, что доспело? – любопытствовал инок.

– А я еще раз сбегаяю, чтобы узнать, – хитро улыбнулся Митяй.

– Эх ты, непоседа... Пошли уж. Все. Управился я. Будем со всеми, в трапезной есть.

УБИЙСТВО ДИВНОЕ И НЕЗНАЕМОЕ

В землях с вечевым управлением, таких, как Новгород и Псков, тысяцкий был высшим выборным лицом города, командиром городского ополчения и судьей. Также тысяцкий ведал сбором некоторых налогов. В тех городах Древней Руси, где не было вечевого правления, должность тысяцкого замещалась по приказу князя из числа знатных бояр. В Москве эту должность долгое время исполняли представители одной и той же семьи – Вельяминовы.

Хвост Алексей Петрович был боярином, сыном московского наместника. Еще при жизни московского князя Семена Гордого (княжил в 1341—1353 годах) он был деятельным участником боярской смуты в Москве. Как следует из докончальной грамоты великого князя Семена с младшими братьями, Хвост интриговал в пользу Ивана Красного. Одной из привилегий бояр в XIV веке было право беспрепятственного отъезда от одного князя к другому. Однако Семен Гордый, узнав о действиях Хвоста, запретил братьям принимать боярина в свои уделы и предупредил их, что намерен наказать крамольника и его семью по своему усмотрению. Конфискованным имуществом Хвоста великий князь поделился со своим братом Иваном Красным, обязав того не возвращать добро боярину и не помогать ему ничем.

В 50-е годы XIV века страшная болезнь, известная под именем черной смерти, унесла в могилу большую часть населения Европы. Эта беда не обошла стороной и Русь. В Москве моровая язва, как называли на Руси эту эпидемию, свирепствовала в 1353 году. Погибло множество народа. Сильно пострадала от мора и московская великокняжеская семья. Умер и великий князь Семен Иванович Гордый и два его сына. Новым великим князем Московским и Владимирским стал младший из четырех сынов Ивана Калиты, Иван Иванович Красный, поскольку все его старшие братья к тому времени умерли.

Став великим князем, Иван Красный наградил Хвоста за преданность и назначил его московским тысяцким. Но Вельяминовы – старые московские бояре, владевшие этим постом, не смирились и составили заговор. Результатом его и было убийство Алексея Петровича Хвоста Босоволкова – московского тысяцкого, произошедшее 3 февраля 1356 года.

«И был мятеж великий на Москве того ради убийства. И в ту же зиму по последнему пути большие бояре московские отъехали на Рязань с женами и с детьми». Убийцы тысяцкого – бояре, боровшиеся с ним за власть, и в первую очередь Вельяминовы, бежали в Рязань, уверенные, что там их не достанет гнев москвичей и московского князя. По одним сведениям, из Рязани они поехали в Орду, а по другим – лишь послали туда своих послов.

Какие же причины привели к убийству боярина Хвоста?

Вельяминов был тысяцким при московском князе Семене Ивановиче Гордом и стоял за удовлетворение денежных запросов Орды, что приводило к увеличению поборов с горожан. Хвост «играл на популярность», выступая против проордынской политики (то есть против повышения налогов). Иван Иванович Красный, брат князя Семена Гордого, в то время придерживался антиордынской позиции. Поэтому, унаследовав княжество после смерти Семена, он поставил тысяцким Алексея Петровича Хвоста.

Позиция Хвоста была, по сути, популистской – давайте не будем платить дань Орде, а князь пусть выкручивается как хочет. Покуда Иван Иванович не правил и не отвечал лично перед Ордой за недоимки, он поддерживал Хвоста. Однако, став великим князем он осознал, насколько его власть и сама жизнь зависят от размеров ордынского выхода.

Поступок Вельяминова и его сторонников получил одобрение в Орде. В 1358 году вернувшийся в Москву князь Иван Иванович Красный «перезвал к себе снова двух бояр своих, которые отъехали от него на Рязань, Михайло и зятя его Василия Васильевича (Вельяминова. – Прим. авт.)». По одной из летописей князь Иван Иванович принял своих бояр в Орде, а не по возвращении в Москву, то есть, возможно, хан напрямую повлиял на решение московского

князя и тот вынужден был простить преступников. Они в конечном счете добились своего – должность московского тысяцкого вновь перешла к Вельяминову. А вот то, что эта должность так за ним и осталась, доказывает – власть имущие в Москве в конце концов убедились, что проордынская политика для них выгодна.

Василий Васильевич Вельяминов оставался московским тысяцким вплоть до своей смерти в 1373 году, а род Вельяминовых оставался одним из сильнейших боярских родов при московских князьях до конца XIV века.

Еще одним влиятельным боярским родом московского княжества был род Бяконтов. Федор Бяконт, судя по дошедшим до нас боярским родословцам, выехал из Чернигова к великому князю Ивану Калите. И видимо, оказался очень полезен ему. Иван Калита доверил пришлому боярину высокую должность московского наместника (то есть Федор Бяконт замещал князя, когда того не было в городе). На Москве у Федора родился сын Елевферий, будущий митрополит Алексей.

Таким образом, митрополит Киевский и всея Руси Алексей по происхождению принадлежал к самой верхушке московского боярства. Надо думать, что связи со своими многочисленными родственниками из окружения московских князей он никогда не терял. Именно знатное происхождение и осведомленность во всех придворных интригах, вкупе с высоким саном митрополита, и позволили Алексею в 1359 году стать фактическим правителем Московского княжества при малолетнем князе Дмитрии Ивановиче. Но обо всем по порядку.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ КАРЬЕРЫ

У боярина Федора Бяконта было пять сыновей: Елевферий, Феофан, Матвей, Константин и Александр Плещей. Феофана можно считать несомненным боярином, Матвея – вероятным, а служба младшего сына, Александра Плещея, относится, по-видимому, к княжению Дмитрия Донского.



Родословная таблица рода Бяконтов

По древнему преданию, Елевферия крестил князь Иван Данилович Калита, хотя сам Калита в это время был еще мальчиком («...еще тогда юн сый»). В ту далекую эпоху, о которой идет речь, перед молодыми людьми из знатных семей обычно лежали только две дороги: военная или духовная. Елевферий выбрал вторую и в возрасте 20 лет постригся в монахи под именем Алексея в Богоявленском монастыре, находившемся в непосредственном соседстве с Кремлем, за Торгом в Китай-городе.

Заметим, что Елевферий был старшим сыном Федора Бяконта и для того, чтобы сделать карьеру при московском дворе, ему вовсе не обязательно было уходить в монахи. Он и так имел все шансы, как старший сын, унаследовать должность и положение своего высокопоставленного отца. Следовательно, постриг не был для него средством сделать карьеру. Его стремление посвятить свою жизнь богу было, видимо, искренним. Но при этом Алексей не ушел от политики. Будучи монахом он продолжает вести активную жизнь, связанную с высшими слоями московского общества. Сын боярина, московского наместника, он, похоже, и не мыслил себе другой жизни, кроме как в самой гуще политических событий.

В монастыре Алексей подружился с монахом Стефаном, братом Сергия Радонежского, происходившим из рода ростовских бояр, которые перешли на московскую службу. Стефан был любимым духовником московских аристократов, таких как князь Семен Гордый, тысяцкий Василий Вельяминов и его брат Федор. Стефан поддерживал тесные связи и с тогдашним митрополитом всея Руси Феогностом.

Близость Алексея к высшему боярству и великокняжеской семье, а также его несомненные способности позволили ему сделать блестящую карьеру. Митрополит Феогност сделал Алексея своим наместником, обязанным «...помогать ему и судить церковных людей по правде, по священным правилам». Таким образом Алексей оказался в центре всех церковных дел и нередко заменял Феогноста, разъезжавшего по своей обширной митрополии.

6 декабря 1352 года «Феогност поставил наместника своего Алексия в епископы во Владимир, а по своем животе благословил его на митрополию и послал о нем послов своих в Царград к патриарху». А 1 марта 1353 года митрополит Феогност скончался от моровой язвы.

ПЕЧАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В этот горестный для Руси год по городам страшной гостьей ходила чума. По твердому убеждению как церковников, так и основной массы народа, подобные бедствия посылались на землю Богом «за грехи наши», и самым действенным способом избавления от страшной напасти было, естественно, всеобщее покаяние и молитва, а также обращение к святым угодникам, которые должны были заступиться перед Господом за страдающих от болезни людей. В народе сохранилась связанная с этими событиями песня.

*Долголи, ребята, нам во зле-то погибать?
Как пора-то нам, братцы, воспокаяться,
Воспокаяться, святым мужам помолиться:
«Ой вы мужи святые, угодники Божии!
Вы простите грехи наши беззаконные,
Помолите за нас Бога вышняго,
Бога вышняго, отца милосердного,
Чтоб избавил царя нашего от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы!»
А уж князь-то наш Московский Симеон Иванович,
Он и смотрит – сам рыдает – на погибший на народ,
Возрыдаючи речь он взговорил:
«Ох я грешный человек, прогневил Бога мово!
За грех-то мой Бог козни наслал!»
Как услышал Бог молитвы угодника своего,
Угодника своего, Петра Митрополита Московскаго,
И избавил град Москву от ужасной от войны,
От ужасной от войны и от моровой язвы...*

Святой угодник Петр был митрополитом Киевским и всея Руси при князе Иване Калите. Своей резиденцией он выбрал Москву. Вскоре после его смерти, в начале 1327 года, во Владимире, на съезде епископов и князей было принято решение о местном, в масштабах Северо-Восточной Руси, почитании Петра, как святого. Константинополь признал святость митрополита Петра в 1339 году. Митрополит Петр был первым московским святым, и народ, естественно, обращал свои молитвы к нему, к своему земляку, прося для города защиты от страшной болезни.

В песне все заканчивается хорошо – чудесным избавлением града Москвы от моровой язвы. Действительно, в конце концов эпидемия черной смерти в Москве сошла на нет. Но до этого ее жертвами стало не только огромное количество простых людей, но и множество знатных. От эпидемии не спасал ни высокий титул, ни высший духовный сан. В один и тот же 1353 год от моровой язвы умерли и великий князь Семен Иванович Гордый, и митрополит Киевский и всея Руси Феогност.

Надо сказать, что в средние века население страдало от самых разных массовых эпидемий довольно часто. И часто они были связаны с болезнями среди скота либо с неурожаем. Некоторые инфекции распространялись только среди отдельных слоев населения, например рыболовов или звероловов.

Нередко они распространялись с севера на юг – района Новгорода и Пскова до Старой Руссы, Торжка, Твери. Анализируя масштабы потерь, историк Н.А. Богоявленский приводит колоссальные цифры, почерпнутые из летописей. И даже если им верить не до конца, то опи-

сание выкопанных «скудельниц» – общих могил – красноречиво свидетельствует об огромных людских потерях. Вероятно, большая часть эпидемий возникала в летнее время и затухала в холода.

По свидетельству летописей наиболее распространенной болезнью на Руси была сибирская язва. Она носила разнообразные названия: «углие», «возуглие» в соответствии с латинским «карбункулюс» (уголь, уголек). Часто ее называли просто «мозоль», «прыщ», «прыщ горящий», «прыщ гнойный горящий». Инфекционность болезни также была понятна, поскольку указывается, что при сдирании шкуры с павших животных «руда», то есть кровь, попавшая в ссадины на руках, на губы или в глаза, вызывала заболевание. У лошадей, по свидетельствам очевидцев, «распухало тело», увеличивалось «пуздо», «пухло в горле», «в грудях». У людей же «опухи» отмечались в разных местах. Болезнь протекала от двух до пяти дней и редко заканчивалась выздоровлением.

Очевидно, что большой опыт, накопленный не одним поколением на Руси, помог выработать определенные меры защиты от болезни. Была распространена традиция прижигания больного места каленым железом. Для борьбы с заболеваниями скота привлекались опытные люди барышники, кожевники, пастухи, ямщики проч.), которые были в состоянии оценить здоровье лошади и другого животного. На рынках для животных отводились особые места, «конские площадки». Строго запрещалось трогать умершее животное, обдирать с него шкуру или использовать мясо. Большим людям врачи вскрывали карбункулы специальными шильями, откованными в кузнях. Знали, что чеснок может защитить от болезни, поэтому чесноком натирали тело и жевали «беспрестанно во рту».

Население северо-запада Руси научилось ставить засечные линии вокруг очагов заразы (завалы из деревьев). На воде предупреждения устанавливали у переездов, волоков. Для охраны засек привлекались как служивые люди, так и местное население.

Эффективной борьбой с инфекцией считался не только огонь (костры всегда горели на засеках, в огне уничтожался скарб погибших от болезни, а то и целый дом со всем имуществом), но и холод. Дома, где жили умершие, вымораживались, несколько недель стояли с открытыми дверями, окнами, трубами, после чего топились можжевельником. Вымораживались или сжигались и вещи погибших от инфекции.

Однако черная смерть, или, по русским летописям – моровая язва середины XIV века, судя по описанию, оказалась необычным и страшным бедствием для современников. Внезапность заболевания, широкое распространение, быстро наступающий роковой исход заразившихся побудили объяснить это явление сверхъестественными силами.

С языческих времен на Руси сохранилась вера в то, что все болезни человека происходят от «злых ветров» и невидимых злобных духов – «навий». Навьи – это мертвецы, а точнее, невидимые их души. Это души врагов или недоброжелателей, людей, которых за что-то покарала сила природы утопленников, съеденных волками, «с древа падших», убитых молнией и т. п. В болгарском фольклоре навьи наваци, нави) – птицеобразные души умерших, летающие по ночам в бурю и дождь «на злых ветрах», сосущие кровь людей; крик этих голых птиц означает смерть. Примерно таким же образом осознавались причины болезней и древними русичами.



Черная смерть. Миниатюра из Радзивилловской летописи XV в.

Люди верили, например, что во время эпидемий по городу в тумане ночи скачут бесы на конях, стонущие как люди, и уязвляют каждого человека, вышедшего из дома, «бесовскою язвою».

Чтобы умиловить навий, древние русичи приносили им жертвы. Раз в году в страстной четверг для них гостеприимно топили баню, приглашая при этом их мыться. Для защиты от на-вий и от прочих враждебных человеку потусторонних сил люди окружали себя сложной системой символов-оберегов. В основном это были изображения солнца и огня. Резьба на наличниках окон, на прялках и посуде, вышивка и тесьма на одежде – все это было не только украшением, но и магической защитой человека.

Православные священники признавали существование навий, но называли их бесами и предлагали другие методы борьбы с ними – молитву, покаяние, праведную жизнь. «Если Бог найдет на кого-то болезнь или какое страдание, врачеваться следует бо-жьей милостью да молитвою и слезами, постом, подаянием нищим да истовым покаянием, с благодарностью и прощением, с милосердием и нелицемерной любовью ко всем. Если кого ты чем-то обидел, нужно просить прощения сугубо и в будущем не обижать».

Обращаться же к лекарям церковники считали делом греховным – сопротивлением промыслу божьему. «...приглашаем к себе чародеев, кудесников и волхвов, колдунов и знахарей всяких с их корешками, от которых ждем душетленной и временной помощи, и этим готовим себя в руки дьявола, в адову пропасть во веки мучиться».

От черной смерти уровень смертности был очень высок. Признаки заболевания («харкает человек кровью, и в третий день умирает, и были мертвые всюду») указывают легочный тип чумы, которая распространялась по воздуху, как современные капель-но-воздушные инфекции. Ввиду этого болезнь быстро поразила широкие слои населения.

Другой характер болезни зафиксирован так: «...а еже железю боляху, не одинаково: иному убо на шее, иному же на стегне, иному же под пазухою, иному же под скулою, иному же за лопаткою...». Эти признаки указывают на распространение бубонной чумы. Она протекает обычно не так быстро, как ее легочная форма, и у больного при лечении появляется шанс к выздоровлению. Известно, что нередко в одну и ту же эпидемию отмечались сразу два вида чумы. Такие вспышки сопровождались огромной смертностью. Летописец свидетельствует, что «не успевали живые мертвых погребать, умираху бо на день по пятидесяти и по ста человек и больше».

Черная смерть, придя из глубин Азии, прокатилась по поволжским городам Золотой Орды в 1347 – 1348 годах. Через черноморские владения итальянцев она перекинулась в Италию, отсюда – в Западную Европу. В 1352 году чума пришла из Европы на Русь северным путем – через Новгородские и Псковские земли. По подсчетам ученых, эпидемия черной смерти, свирепствовавшей в Европе в 1347 – 1353 годах, унесла 24 миллиона жизней.

На Руси эпидемия затухла, видимо, только с приходом зимы 1353 – 1354 года.

После смерти митрополита Феогноста Алексей, которого Фе-огност еще при жизни назначил своим преемником, выехал в Орду. В 1354 году ханша Тайдула, которую Алексей вылечил от глазной болезни, выдала ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь.

Филофей, патриарх Константинопольский, поставил Алексея в митрополиты только «после надлежащего самого тщательного испытания в продолжение почти целого года». Причиной столь долгого испытания была национальность Алексея. Дело в том, что сложившейся практикой Константинополя было поставление на митрополичий престол Руси выходцев из Византии – космополитов, уже в силу своего происхождения способных встать над национальными интересами и действовать в пользу православной церкви в целом. И тот факт, что Алек-

сий, несмотря на свое происхождение, сумел убедить патриарха в своей «профпригодности», говорит сам за себя.



*Алексий излечивает царицу Тайдулу. Клеймо
иконы «Митрополит Алексий с житием»*

Впрочем, возможно, на решение патриарха повлияло и то, что князь Иван Иванович Красный прислал письмо с просьбой о по-ставлении Алексия. Послание было подкреплено солидным денежным взносом.

Константинопольский патриарх Филофей поставил Алексия главой церкви всея Руси, обязав не оставлять своим попечением западную, Литовскую часть митрополии, и поддерживать постоянную связь с Константинополем. Константинопольская патриархия давно уже вынашивала план объединения всех православных Русских земель под властью единого митрополита и, возможно, единого князя.

Дело в том, что к середине XIV века территория Руси была не только разделена на отдельные княжества, но и поделена между тремя крупными державами. Ко времени начала «великой замятни», к 1359 году политической реальностью для Северо-Восточной Руси была власть Золотой Орды, признаваемая всем населением как верховная и легитимная. Южная и Западная Русь находились в это время в составе Великого Княжества Литовского, либо были в той или иной степени зависимы от него.

Причем подавляющее большинство населения этих земель власть литовских князей тоже вполне устраивала. А западная часть Галицкого княжества в это время была уже захвачена Польшей. Между Польшей и Великим Княжеством Литовским шла, с переменным успехом, феодальная война за контроль над всей территорией Галицкой Руси.

Русские люди того времени, таким образом, не имели собственного национального государства и, похоже, к его созданию не стремились. Жителей Руси в исследуемую эпоху объеди-

няло лишь общее прошлое – ставшая уже легендарной Киевская Русь, а также общий восточнославянский язык. Впрочем, он тогда не очень-то отличался от западно – и южнославянского. Языковые отличия накапливались постепенно, в течение многих веков. Заимствование новых слов у разных соседей и самостоятельное словообразование внутри каждого языка – процесс долгий и современникам практически не заметный. Языковые группы восточных, западных и южных славян в то время отличались друг от друга в меньшей степени, чем сейчас различаются русский, белорусский и украинский языки.

Еще одним объединяющим русских людей началом была православная религия. Но рамки православного единства были гораздо шире рамок языковых. Православными, кроме русских, были многие южные славяне, греки, грузины.

Памятью о былом единстве русских земель к XIV веку остался титул митрополита Киевского и всея Руси. Введенный во времена крещения Руси Владимиром Святославичем, этот титул и связанная с ним структура русской православной церкви были к XIV веку самыми прочными узлами, скреплявшими Русь.

При византийском императоре Иоане Кантакузине в Константинополе возникла идея политического объединения Руси. Объединяющим началом должна была стать православная вера. Дело в том, что Византия нуждалась в единой православной Руси, как в сильном союзнике для противостояния католической и мусульманской экспансии. Сложившийся к XIV веку мировой порядок Константинополь не устраивал, так как в подчиненных Польше и Литве частях Руси постоянно усиливалось католическое влияние, а Северо-Восточная Русь входила в состав Золотой Орды, официальной религией которой с первой половины XIV века стало мусульманство.

Константинопольский патриарх Феогност предполагал объединить Русь руками митрополита Киевского и всея Руси. Алексей, видимо, получил в Цареграде соответствующие инструкции. Однако в то время этим планам не суждено было осуществиться.

В 1355 году в Византии произошла очередная смена власти. Захвативший престол император Иоанн V и новый патриарх Каллист по настоянию великого князя Литовского Ольгерда учредили литовскую митрополию с центром в Новогрудке. Каллист поставил в митрополиты Малой Руси кандидата Литвы Романа (тот правил до 1362 года, потом литовской митрополии не было).

В этом же, 1355 году, по настоянию литовского митрополита новый патриарх вызвал Алексея в Константинополь для вынужденного раздела русской митрополии. В результате долгих споров и взаимных обвинений Алексей сохранил титул митрополита «Киевского и всея Руси», а Роман стал митрополитом Малой Руси, без Киева. Роман отказался подчиниться решению патриарха и провозгласил себя митрополитом Киевским.

Митрополит Алексей возвращался из Константинополя через Золотую Орду. Ханский престол в это время занял Бердибек. Новый хан выдал Алексею ярлык. Дело в том, что русские митрополиты должны были после своего поставления в Цареграде отправляться в Сарай, чтобы получить от хана себе и своим епископиям ярлыки, в которых ханом подтверждались их права и преимущества.

Таким образом, получив «охранную грамоту» ордынского царя, в 1358 году Алексей прибыл в Киев, чтобы подтвердить свое право на митрополию. Однако Ольгерд «изымал митрополита обманом, заключил под стражу, ограбил и держал в плену около двух лет». Алексею удалось бежать, и он вернулся в Москву, где к этому времени князь Иван Красный умер, и на престоле оказался его девятилетний сын Дмитрий Иванович.

МОСКВА БОЯРСКАЯ

За малолетнего князя, естественно, правили его бояре и ближайшее окружение.

Годы правления Дмитрия Ивановича можно с полной уверенностью назвать золотым веком московского боярства. Началось это правление с фактического регентства видного представителя этого слоя, митрополита Алексия.

Бояре на Руси были правящим классом и обладали всей полнотой власти. И в Новгородской вечевой республике, и в Московском, Рязанском, Тверском княжествах боярами называли людей, занимающих высшие административные должности. Единственное различие – новгородских бояр на должности выбирало вече или назначал посадник, а в княжеской Руси должности давали сами князья.

Как французский король Людовик XIV в свое время сказал «государство – это я», так в XIV веке на Руси бояре могли бы сказать: «государство – это мы». Они были наместниками князей в городах, судьями, тысяцкими, воеводами, княжьими конюшими и чашниками своего рода «завхозами» в княжеском хозяйстве). Вершить суд и принимать важные решения князь мог лишь посоветовавшись с «боярской думой» – собранием самых влиятельных лиц своего княжества. Конечно, боярская дума – орган совещательный. Но как государь не может долго править, находясь в разладе с собственным государством, так и князь не мог безнаказанно игнорировать мнение своих бояр. Именно поэтому любой князь, принимая важное решение, вынужден был советоваться с боярской думой. В XIV-XV веках это было не данью традиции, а насущной необходимостью.

Все жители княжества обязаны были платить князю определенный налог – как защитнику и покровителю территории. Чтобы прочнее привязать к себе бояр, князь за верную службу награждал их, давая «в кормление» часть своих земель. Налог с таких отданных на время службы боярина земель поступал уже не в княжескую казну, а боярину. Естественно, что его собирал уже не княжеский сборщик мытарь), а сам боярин.

Боярин, конечно же, старался изыскать способы и получить с отданной ему в кормление деревни, городка или даже области как можно больше. Кроме того, князья, чтобы привлечь к себе людей, на первых порах щедро раздавали незаселенные земли и всяческими льготами поощряли их освоение. Бояре и слуги вольные приобретали земли и на свои средства, поселяли на них крестьян и заводили хозяйство. Приблизительно с середины XIV века тип старого боярина – воина-дружинника стал перерождаться. Боярин прочно садится на землю, заводит на ней хозяйство, тесно связывает свои интересы с владением землей. Таким образом появились в Московском, да и в других княжествах вотчины или отчины) бояр – их личные владения.

Конечно же, за боярами сохранилось право перехода от одного князя к другому. Но теперь, переезжая в другое княжество, боярин терял доходы, которые ему приносили отданные «в кормление» земли и должности. К тому же он не мог, находясь в другом княжестве, столь же эффективно, как и прежде, управлять и защищать свое собственное поместье. Поэтому отъехавшему боярину приходилось, как правило, продавать свою земельную собственность соседям или самому князю. Впрочем, в ряде докончальных грамот между князьями упоминается, что на территории одного князя находятся отчины подданных другого князя. В таких случаях князьям приходилось решать все связанные с этим юридические и хозяйственные проблемы. Естественно, что на подобные лишние хлопоты князья шли весьма неохотно.

Прочно осевшие на землю бояре начинают все в большей степени связывать свою жизнь с судьбой того княжества, в котором они поселились. В XIV веке мы еще наблюдаем переходы бояр. Благодаря родословцам, до нас дошло много сведений о перемещениях бояр из других княжеств в княжество Московское. Но со временем это явление становится все более редким. К тому же переход боярина не к союзнику, а к военному противнику, прежним хозяином

однозначно воспринимался как измена. Про таких бояр писали уже не «перешел», а «бежал». Отчину – личные владения такого боярина-изменника князь имел право конфисковать.

В некоторых списках летописей помещена «Повесть о жизни и последних часах великого князя Дмитрия Ивановича». Своим сыновьям он завещал: «И бояр своих любите, честь им достойную отдавайте за служение их, без совета их ничего же не творите».

Вряд ли летописец дословно цитировал предсмертную речь князя Дмитрия Ивановича. Но дело вовсе не в точности или неточности этих речей, а в яркой характеристике взаимных отношений великого князя и боярства, данной автором «Повести...» Характеристика эта вполне гармонирует с общим впечатлением, складывающимся при изучении других источников периода княжения Дмитрия Донского.

Бояре не были чиновниками, в современном понимании этого слова, а княжеская власть не была организацией с должностями и строго прописанными функциями. Боярская дума того времени – это, скорее, группа собравшихся вокруг князя единомышленников. Князь был знаменем государства, равно как бояре были его телом. Поэтому каждый думный боярин, заведующий каким-то конкретным вопросом, был своего рода министерством в одном лице. Для решения конкретных вопросов требовалось непосредственное присутствие боярина. Он сам вел дружину на бой, сам спрашивал отчета со своих управляющих и судей, а затем сам держал ответ перед князем.

В церкви, имелся свой хозяйственный механизм, велся строгий учет собственности, существовала отчетность. Сохранялось множество записей финансового характера в монастырях и отдельных приходах. Дело в том, что церковный иерарх, будь то епископ, настоятель монастыря или приходской священник, сознавал себя лицом подотчетным как перед вышестоящим начальством, так и перед тем, кто придет ему на смену. Церковь уже тогда была в этом смысле сложной бюрократической и коммерческой организацией с отлаженной системой проверок.

Но светская власть переняла этот опыт церкви лишь в конце XV века, когда Московская Русь, став централизованным государством, создала целый слой грамотного чиновничества без которого уже не могла обходиться.

Каждый из бояр был своего рода заместителем князя по каким-либо хозяйственным или военным делам. Например, Василий Вельяминов был, говоря современным языком, заместителем князя по судам и налогам в Москве. Ион воспринимал эту должность, как дело семейное, родовое. Должность московского тысяцкого была передана ему «в кормление», так же, как, видимо, были переданы и некоторые из подмосковных княжеских деревень. И Василий Вельяминов, естественно, рассчитывал, что должность тысяцкого останется за ним, а затем и перейдет к его наследникам.

Князь не мог просто так отнять у боярина отданную ему в кормление должность или землю. Для этого нужен был очень существенный повод – вина боярина – неспособность его эффективно выполнять свои обязанности, какое-либо существенное злоупотребление или крамола – государственная измена.

Именно поэтому Василий Васильевич Вельяминов законно возмутился из-за того, что у него без вины была отнята и передана Хвосту должность московского тысяцкого. Именно эта обида и толкнула его на убийство.

МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ – РУССКИЙ РИШЕЛЬЕ

После смерти великого князя Ивана Красного московские бояре образовали при юном князе Дмитриии свое правительство. Митрополит Алексей, вернувшийся в это время из литовского плена, вскоре фактически встал во главе Московского княжества.

О том, как это произошло, читаем в грамоте Константинопольского патриарха: «...спустя немного времени скончался великий князь московский и всея Руси, который перед своей смертью не только оставил на попечение тому митрополиту своего сына, нынешнего великого князя Дмитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверя никому другому, ввиду множества врагов внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее». Эта грамота была написана уже после смерти митрополита Алексея, и содержала официальную версию событий.

Дабы «узаконить» свое регентство при малолетнем князе, Алексей распространяет легенду о том, что Иван Красный якобы завещал ему управление великим княжеством. На самом же деле в момент смерти великого князя московского Ивана Ивановича Алексей находился в плену в Литве. Не стал бы великий князь оставлять своего сына и княжество на попечение человека, жизнь которого висит на волоске.

Но так или иначе, Алексею удалось, опираясь на свою родню, встать во главе боярского правительства при малолетнем князе.

Первым делом, за которое взялось московское боярское правительство, была борьба за великое княжение Владимирское.

С середины XII века, со времен Всеволода Большое Гнездо Владимир считался «старшим» городом Северо-Восточной Руси, а во всех других княжествах региона правили потомки этого знаменитого князя.

В Северо-Восточной Руси XIV века было несколько великих княжений: Владимирское, Московское, Рязанское, Тверское, Ярославское, Смоленское и Суздальско-Нижегородское. Владимирское великое княжение считалось старшим из них. Иван Калита в 1339 году добился для великого князя Владимирского права собирать со всей Руси дань для Золотой Орды. И со времен Ивана Калиты борьба за стол великого князя Владимирского стала не только борьбой за богатые владимирские земли и за формальное старшинство среди великих князей, но и борьбой за право собирать со всей Руси дань для Золотой Орды.

Для того чтобы вступить на великокняжеский престол не только на Владимирский, но и на любой другой из перечисленных выше), претенденту надо было поехать в Орду, к хану, или, как именуют его русские летописи, царю, и там доказать свое право на этот престол. Видимо, в Орде претендент на престол доказывал свои наследственные права и приносил присягу верности крестное целование) хану. Обычно ханы отдавали ярлык на то или иное великое княжение прямым наследникам предыдущего князя. Однако в спорных случаях, каковых было немало, большое значение играли взятки и посулы.

Эти правила распространялись и на великое Владимирское княжение. Однако вокруг него всегда кипели более жаркие страсти.

Великий князь московский и владимирский Иван Иванович Красный умер в 1359 году. А тут, очень кстати, в Орде сменился хан. «На поклон» к новому хану Наврузу съехались почти все русские князья. Здесь, в ставке хана, решался вопрос, кому достанется великий стол Владимирский. Ввиду того, что единственный наследник Владимирского княжения Дмитрий Иванович по малолетству своему отсутствовал и посольства от москвичей не было, ярлык на это княжение был предложен князю Андрею Константиновичу Нижегородскому. Но тот отказался от этой чести. Тогда хан отдал ярлык следующему за ним по старшинству – Дмитрию Константиновичу Суздальскому – сводному брату Андрея. Московский летописец возму-

щенно пишет, что Дмитрий Константинович получил великое княжение «не по отчине и не по дедине». Однако сам Дмитрий Константинович считал себя старшим в роде великого князя Ярослава Всеволодовича и поэтому принял ярлык и тотчас же поехал во Владимир.

Но в 1360 году в Москву возвращается митрополит Алексий. Быстро разобравшись в обстановке, он снаряжает в Орду богатое посольство вместе с маленьким князем Дмитрием.

Хан встретил посольство очень ласково и подтвердил права Дмитрия Ивановича на Московское великое княжение. Однако, несмотря на то, что за Дмитрия, кроме московских бояр, просили ростовские и тверские князья, ярлык на великое княжение Владимирское остался у Дмитрия Константиновича. Московское посольство вернулось ни с чем.

Но Алексий не успокоился. Выждав два года и воспользовавшись очередной сменой ханов, в 1362 году он снарядил в Орду новое посольство. В Сарае в то время боролись за престол ханы Авдул и Амурат.

Летописи прямо сообщают, что царь Амурат бился за власть с темником Мамаем, а хан Авдул был всего лишь марионеткой Мамаея. «Было в те времена на Волжском царствии два царя: Авдула царь Мамаевы Орды, а другой царь Амурат с Сарайски-ми князьями. И так те два царя и те две Орды, мало мира имели между собою, всегда во вражде и в бранях».

Алексий, видимо, не был уверен, какой из ханов законнее и кто из них в конце концов победит. Поэтому он отправил два посольства – и к Авдулу и к Амурату. И оба посольства оказались удачными!

Москвичи прибыли в Сарай и выпросили у Амурата ярлык на великое Владимирское княжение для Дмитрия Ивановича «по отчине и по дедине».

Алексий, видимо опасался, что Дмитрий Константинович не уступит добром свой, полученный еще от хана Навруза, ярлык. Московские бояре посадили на коней троих юных князей: Дмитрия Ивановича 12-ти лет, его младшего восьмилетнего брата Ивана Малого и его двоюродного брата Владимира Андреевича того же возраста, и послали их с войском к городу Владимиру против князя Дмитрия Константиновича. Тот не рискнул противиться воле хана и уступил великое княжение Дмитрию Ивановичу.

В это время вернулись московские послы из Мамаевой Орды и тоже принесли Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение, но уже от хана Авдула. Сарайский царь Амурат, узнав об этом, «разгневался зело». В то время в Сарае гостил князь Иван Белозерский. Царь Амурат отпустил князя на Русь, а с ним отправил своего посла Иляка с охраной и ярлыком к князю Дмитрию Константиновичу на великое княжение Владимирское.

Получив подтверждение законности своих притязаний, Дмитрий Константинович Суздальский тут же поехал во Владимир и вокняжился там.

Москва среагировала оперативно. Через двенадцать дней к стольному городу Владимиру прибыл с большим войском князь Дмитрий Иванович. Дмитрий Константинович отступил к Суздалью. Московские войска погнались за ним и осадили Суздаль.

Дмитрий Константинович оказался просто не готов к тому, что Москва воспротивится воле хана и пойдет на его ставленника войной. Он вынужден был запросить мира «по всей воле» московского князя.

Поход 1363 года был бесспорным политическим успехом Алексия. Похоже, митрополит был одним из немногих на Руси, кто верно оценил обстановку в Орде и увидел, какие выгоды может извлечь Москва из начавшейся «великой замятни».

Поход москвичей против утвержденного Ордой великого князя был первым безнаказанным выступлением подобного рода. Будь в Сарае твердая власть, на Москву немедленно была бы послана карательная экспедиция. Но Алексий, видимо, был уверен, что этого не произойдет.

Мирный договор с Москвой князь Дмитрий Константинович Суздальский честно соблюдал. Когда в том же году к Дмитрию Константиновичу прибежали несколько удельных князей, обиженных князем Дмитрием Ивановичем, и предложили союз против Москвы, суздальский

князь отказался возобновить борьбу. Но втайне он все еще надеялся, что в Золотой Орде установится порядок и царь восстановит поправленную справедливость. Он даже посылал в Сарай своего сына Василия Дмитриевича Кирдяпу за помощью.

В 1364 году в Орде в очередной раз сменился хан. И Василий Кирдяпа привез отцу ярлык на Владимирский стол. Но Дмитрий Константинович предпочел отказаться от великого княжения в пользу московского князя. К этому его подтолкнули обстоятельства а.

В 1364 году умер старший брат Дмитрия Константиновича, нижегородский князь Андрей Константинович. Младший брат Дмитрия Константиновича Борис незаконно (вперед старшего брата) захватил власть в Нижнем Новгороде.

Тогда Дмитрий Константинович отдал полученный от хана ярлык на великое княжение во Владимире московскому князю, взамен на помощь против своего младшего брата.

Митрополит Алексей предложил князю Борису через посредничество Сергия Радонежского суд с Дмитрием Константиновичем. Но Борис отказался. И тогда Сергей затворил все Нижегородские церкви – запретил проводить в городе церковные службы. Когда же и это не подействовало, московское правительство предоставило Дмитрию Константиновичу значительное войско, и Борису пришлось уйти из Нижнего Новгорода в Городец.

Дмитрий Константинович стал великим князем суздальско-нижегородским. Он окончательно помирился с Дмитрием Ивановичем, а 18 января 1366 года его младшая дочь Евдокия вышла замуж за Дмитрия Ивановича Московского.

ОЛЕГ РЯЗАНСКИЙ – ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Настало время познакомиться с еще одним героем нашего повествования. Олег Рязанский – князь с трудной судьбой и посмертной недоброй славой, созданной московскими летописцами. «Изменник», ставший все же святым. Князь, которого окрестили «вторым Святополком»² на Москве, но которого любили рязанцы и были верны ему и в победах, и после поражений.

Олег Иванович, сын князя Ивана Александровича (по некоторым данным – великого князя рязанского) и племянник пронского князя Ярослава Александровича. Некоторые исследователи считают Олега сыном великого князя рязанского Ивана Ивановича Коротопола, но это мнение не подтверждается источниками. В одной из дошедших до нас грамот Олега Рязанского он своим отцом называет князя Ивана Александровича.

Олег стал великим князем рязанским в 1350 году, будучи еще ребенком. В наследство ему досталось княжество, со всех сторон окруженное недругами. С одной стороны – земли татар, с другой – усиливающееся Московское княжество, с третьей – Литва. Не было покоя и в самой рязанской земле. С первых десятилетий XIV века длилась здесь кровавая междоусобица. В 1339 году рязанский князь Иван Иванович Коротопол убил своего двоюродного брата Александра Михайловича Пронского, направляющегося в Орду с «выходом».

Известно, что только великий князь, чья власть была утверждена Золотой Ордой, мог собирать дань для хана на территории своего княжества с 1339 года Иван Калита, как великий князь Владимирский, добился права собирать дань для Орды со всех русских земель, но и позже это его право неоднократно оспаривалось рязанскими и тверскими великими князьями). Следовательно, в рязанской земле шла борьба за великое княжение. Закончилась усобица смертью главных претендентов на великое княжение рязанское – Ивана Коротопола Рязанского в 1343 году) и Ярослава Александровича Пронского в 1344 году).

Не сохранилось данных, которые могли бы нам пояснить – почему великим князем рязанским стал именно Олег Иванович. Видимо, к моменту его вокняжения никто из князей рязанской земли уже не претендовал на титул «великого». Возможно, все старшие рязанские князья были уже убиты в междоусобной борьбе. Усобицы на время закончились, и это позволило Олегу Ивановичу к началу 50-х годов замыслить наступление на Московское княжество. В 1353 году, 22 июня, рязанский военный отряд захватил московскую волость Лопасню, которая когда-то входила в состав рязанских владений. Лопасненский наместник Михаил Александрович был пленен и отведен в Переяславль-Рязанский, а через некоторое время выкуплен московским правительством. По утверждению летописца, «...князь Олег еще тогда молод был, младоумен, суров и свиреп вместе со своими рязанцами, с потаковниками ему с бродниками, много зла христианам сотвориша...». Московский летописец упрекает рязанцев в жестоком обращении с пленным наместником: «...и били его и многие пакости ему сотворили».

Получается, что в начале княжения за малолетнего Олега Рязанского так же, как и за Дмитрия Ивановича, правило его боярское окружение.

«Бродни» или «бродники», упоминающиеся в летописи, – это вольные люди – казаки, селившиеся на южных окраинах Рязанского княжества. Вообще, в тюркских языках казак – это свободный, никому не подчиняющийся человек. Похоже, «казаки» и «бродни», «бродники» – это тюркское и славянское названия одних и тех же людей.

Бродни жили в степи, в речных долинах, у бродов и перевозов через реки. Они добывали себе пропитание не столько оседлым земледелием, сколько рыболовством и охотой. Именно

² Святополк I Окаянный (ок. 980—1019). Сын Владимира I. Убил трех своих братьев и завладел их уделами. Изгнан Ярославом Мудрым. В 1018 г. захватил Киев, но был разбит.

поэтому они не так зависели от княжеской власти, как обычные крестьяне. Бродники заселяли малолюдное южное пограничье русских княжеств. Жили они и южнее – во владениях кочевников. Дело в том, что степное кочевое скотоводство практически не использовало ресурсы рек и лесов Причерноморья. Эту-то «экологическую нишу» и занимали бродники – предки российских и украинских казаков.

Охотники и рыболовы, знающие степь, умеющие стрелять из лука, скакать верхом, – бродники были более приспособлены к войне, чем оседлые земледельцы. Поэтому русские феодалы нередко брали их на службу, используя, видимо, как разведку и легкую конницу. Возможно, рязанские князья были первыми феодалами Северо-Восточной Руси, использовавшими степных «бродней» в своих военных целях.

Московский князь не предпринял никаких активных действий против Олега. Лопасня отошла к Рязанскому княжеству, изменение границ потребовало вмешательства Орды. В этом же 1353 году в рязанских рукописях приводится сообщение о том, что «посол из Орды приходил на Рязань учинить между московским князьям». Видимо, речь здесь идет о размежевании московских и рязанских земель. И то, что оно действительно состоялось подтверждает духовная грамота московского князя Ивана Ивановича, в которой называются «места Рязанские отменные», полученные «вместо Лопасни». В числе этих мест оказывается, в частности, «Новый городок на усть Поротли».

Олег Иванович и в дальнейшем стремился усилить свои позиции, подчинив соседних князей. Так в 1355 году, по свидетельству летописей, произошла смута в Муроме. Муромское княжение по решению Орды захватил рязанский, или связанный с Рязанью, князь Федор Глебович, видимо ставленник Олега. С этого времени Муром надолго остается под властью князя Олега Рязанского.

Здесь имеет смысл уточнить, что мы подразумеваем, говоря «под властью князя». Это не вассальная присяга по западному образцу и не финансовая зависимость (дань). Отношения между князьями на Руси оформлялись в это время договорами и докончальными грамотами. У нас не сохранилось докончальных грамот между князьями Рязанской земли. Однако есть все основания предполагать, что эти документы аналогичны дошедшим до нас грамотам между Дмитрием Ивановичем Московским и соседними князьями.

Докончальная грамота является договором между князьями, самостоятельно хозяйствующими каждый в рамках своего княжества. Самим их подписанием князья признают власть друг друга в рамках своих княжеств. Далее в подобных грамотах фиксируется территориальное размежевание и подробно регламентируется хозяйственное взаимодействие между договаривающимися сторонами. Зачастую оговаривается старшинство одного князя перед другим. Именно в этом смысле следует понимать выражение «попал под власть» – попал под такую власть, какую старший брат имеет над младшим в патриархальной русской семье того времени. Эта власть, оговаривавшаяся в грамотах подробно, не простиралась далее, чем согласованная внешняя политика (вплоть до совместных военных походов). Причем тот, кто назван «старшим братом» в докончальной грамоте, принимает решения по этой внешней политике, а «младший брат» должен ему подчиниться, и соответственно, в случае совместных военных действий выступить самому или просто выставить военную дружину под начало «старшего брата».

Таким образом, поставив на муромский престол дружественного князя и связав его докончальной грамотой, в которой тот признавал Олега старшим братом, рязанский князь получил возможность во время походов усиливать свою армию муромской дружиной. В то же время он, видимо, принял на себя обязательство выступать на защиту муромского княжества в случае, если тому будет угрожать опасность. Доказательством существования подобной докончальной грамоты может служить тот факт, что во всех важных походах Олега Ивановича участвовал муромский князь, а также то, что рязанская и муромская дружины неоднократно совместно выступали против вторгавшихся в пределы их княжеств татар.

Великий князь рязанский любыми средствами стремился расширить сферу своего влияния, в том числе и путем брачных союзов. Козельским князем в то время был Иван Титович, зять Олега Рязанского. В тех же родственных отношениях с Олегом Ивановичем находились Дмитрий Корибут (князь черниговский и новгород-северский) и Владимир Пронский. Кроме Козельска так или иначе зависели от Рязани новосильские князья и тарусские. Олег рязанский был женат вторым браком на дочери Ольгерда Ефросинье. Таким образом, он был в родственных отношениях с большинством литовских князей.

Примечательно, что в московской летописи муромский, прон-ский и козельский князья названы «князи рязанские». Видимо, эти князья были связаны с Олегом Ивановичем докончательными грамотами, в которых они признавали его «старшим братом», и в понимании соседей их владения входили в Рязанскую землю. Возможно, их земли и юридически входили в состав великого княжества Рязанского, и тогда дань для Орды собирал с них великий князь Рязанский, то есть Олег Иванович.

Границы Рязанского княжества в то время проходили по верховьям Дона, у среднего течения реки Воронеж и, возможно, Хопра, не выходя на правый берег Дона. То есть рязанский князь контролировал торговый путь из Москвы в Сурож и Кафу, который шел через Рязань по Дону. Также под контролем Олега Ивановича, после захвата Лопасни, оказался путь из Москвы-реки через Оку на Волгу. Это был речной путь в Казань, в Булгар и в Сарай. То есть Олег Рязанский собирал налоги со всех важных торговых путей Северо-Восточной Руси.

Вблизи границ Рязанской земли находилось самостоятельное Елецкое княжество, в котором правили представители рода князей Козельских. Дружественные или, по крайней мере, добрососедские отношения Елецкого и Рязанского княжеств в то время несомненны.

Вначале 60-х годов у Олега Ивановича появляется беспокойный сосед – темник Мамай отпочковал со своей Ордой на запад от Сарая, к границам Рязанского княжества.

Насколько мирно в то время уживались Мамай и Олег Рязанский, свидетельств не сохранилось. Но и упоминаний о набегах мамаяевых татар на Рязань до конца 60-х годов не встречается, в то время как упоминания об активных действиях Мамаея в русских летописях встречаются с 1361 года.

ЭКСКУРСИЯ В САРАЙ

Воспользуемся небольшим затишьем в бурной жизни русских княжеств и заглянем в столицу Золотой Орды – Сарай-Берке (сарай переводится с тюркского как «дворец»). В XIV веке на этот город стоило посмотреть.

Первую столицу Золотой Орды основал хан Батый. Она располагалась в двух днях пути от Астрахани к востоку от Волги, на холмистом берегу реки Ахтубы. Этот город назывался Сарай-Бату (русские летописи называют этот город Сарай Большие или Старый Сарай). На одном из холмов находился ханский дворец. В городе было много дворцов, мечетей, ремесленных кварталов. В окрестностях Сарай-Бату находился большой некрополь. Городские стены Сарай-Бату достигали местами 18-метровой высоты.

Сарай-Бату пришел в упадок после того, как хан Узбек в первой четверти XIV века перенес столицу в Сарай-Берке (летописи называют его Новый Сарай). Сарай-Берке был основан чуть севернее, на берегу Волги в 1260 году ханом Берке. Расцвет города приходится на первую половину XIV века. При хане Узбеке население города достигало 100 000 человек. Известный арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший Сарай-Берке в 1333 году, рассказывает о нем так: «Один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами». Сарай-Берке, по данным археологов, занимал территорию не менее 48 кв километров. В городе был ханский дворец, обнесенный валом и рвом, жилые кварталы знати и ремесленников, торговая часть, колонии иноземцев. В Сарае проживали монголы, ясы, кипчаки половцы), черкесы, русские, византийцы, персы, арабы и другие. Каждый народ имел особые кварталы, отделенные друг от друга, и особые базары. Постройки были кирпичные, украшенные цветными изразцами. В столице был даже водопровод, чем в то время не мог похвастать ни один европейский город. О развитии астрономии и геодезии в Золотой Орде можно судить по археологическим находкам астрольбии и квадранта.

Городское благоустройство создавалось среднеазиатскими архитекторами, плотничьи и судостроительные работы производились русскими мастерами. Ремесленники разнообразных специальностей, населявшие Сарай-Берке, привозились из покоренных стран. Вообще мастера-ремесленники всегда были самой ценной частью добычи для монголов. Плано Карпини, итальянский монах-францисканец, посланный в Золотую Орду папой Иннокентием IV в 1245 году, сообщает в своих записках, что при взятии осажденного города «татары спрашивают, кто из них жителей) ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором». О том же повествуется в другом месте: «В земле Сарацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия». Об этом же говорит и арабский автор Ибн аль-Асир (XIII век). По его сведениям, сын Чингисхана, взявший среднеазиатский город Мерв, приказал: «...напишите мне список купцов города, старейшин его и богачей, да напишите мне другой перечень – художников и ремесленников».

Подневольные мастера благодаря своему искусству могли достичь довольно высокого положения. Плано Карпини встретил в Каракоруме русского ювелира Козьму, который выполнял работы для правителя, а также русского плотника, женатого на французенке, который «умел строить дома, что считается у них выгодным занятием».

Мастера различных специальностей нужны были Орде для строительства городов, зданий, украшенных цветными изразцами и резьбой, для изготовления оружия, ювелирных изделий, керамики – всего того, чем впоследствии была знаменита Золотая Орда. Именно собранные из разных стран ремесленники и создали ее пеструю и яркую материальную культуру.

Процветание Сарай-Берке не в малой степени обеспечивалось той данью, что ханы собирали с покоренных народов, в том числе и с Руси.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

О том, какими методами татарские баскаки собирали дань, можно узнать не только из кратких летописных сообщений. Гораздо более красочный и подробный «отчет» о сборе дани на Руси предлагает дошедшая до нас историческая песня:

ЩЕЛКАН

*А и деялося в Орде,
Передеялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На черевчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таверулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил
Азвяк Таверулович
Городами стольными:
Васильяна Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме.
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он непожаловал, —
Его дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
Вдальнюю землю Литовскую,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жсону возьмет;
У которого жсны-то нет,*

*Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты...*

*Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожалуй ты меня Тверью старую,
Тверью богатую,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой,
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацади;
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую...»*

*В та поры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старую,
Тверью богатую,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И в та поры млад Щелкан
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатья,
Мужики посадския
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,*

*Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками;
И понесли они честные подарки —
Злата-серебра и скатного жемчуга.
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них,
Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся.
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.*

Интересно, что в песне отражено реальное тверское восстание 1327 года, приведшее к отмене баскачества на Руси.

У фольклорного Щелкана Дюдентевича был исторический прототип – Чол-Хан, или, как его называют в русских летописях, Шевкал. Это был монгольский царевич, двоюродный брат хана Узбека.

В песне хан Узбек (царь Азваяк Таврульевич) потребовал от Щелкана, в доказательство верности – убить собственного сына, что Щелкан и поспешил сделать. Возможно, этим приемом песня подчеркивает особую лютость присланного в Тверь ордынского царевича. Однако можно сопоставить этот эпизод и с теми репрессиями, которые Узбек проводил в Орде, в связи с насаждением там мусульманства. Русские летописи сохранили сведения о том, что в Орде имел место мятеж, который подняли против Узбека противники принятия новой веры. Мятеж этот был жестоко подавлен. Возможно, эпизод с убийством фольклорным Щелканом собственного сына – это дошедший до нас отголосок внутриордынской распри, в которой Чол-Хан доказал свою преданность Узбеку.

Видимо, прибывший в Тверь Чол-Хан был профессиональным откупщиком – сборщиком дани. Или, как их называли сами татары – баскаком. Это предположение подтверждает и тот эпизод песни, в котором Щелкан собирает дань с Литвы. Кстати, сохранились летописные сведения о том, что те русские княжества, которые попали под власть литовских князей, некоторое время еще платили дань Золотой Орде.

Откупщик того времени – это предприниматель, который вносит в государственную казну крупную сумму, покупая у государства на определенный срок право сбора того или иного налога. Система откупов была выгодна как государству, не имевшему еще бюрократического аппарата столь мощного, чтобы самостоятельно взимать все налоги, так и откупщикам, которые, отдав вперед крупную сумму, затем возвращали ее с лихвой.

На основании песни о Щелкане мы можем предположить, что со своего родственника, Чол-Хана, вмес то кру п-ной суммы, которую откупщик обычно вносил в казну, хан потребовал расправы над мятежником-сыном. Впрочем, возможно, Чол-хану пришлось и сына убить и деньги внести.

Далее – Щелкан, то есть Чол-Хан, едет в Тверь. И там он начинает «вдов-то бесчестить, красных девиц позорить, над всеми надругатися, над домами насме-хатися».

На наш взгляд конфликт тверичей со сборщиком налогов произошел из-за элементарного непонимания и незнания обычаев другого народа.

Дело в том, что обычаи православной Руси сильно отличались от обычаев как мусульман, так и язычников-монголов. У монголов нормальным явлением было иметь столько жен, сколько муж в состоянии содержать. Причем монголы не делали особого различия между женами и наложницами. Сын от наложницы имел те же самые права, что и сын от жены. Поэтому быть наложницей знатного царевича вовсе не считалось для монгольской женщины бесчестьем. У мусульман тоже было принято многоженство, так что если Чол-Хан был уже мусульманином, его отношение к русским женщинам все равно не могло не вызывать среди тверичей возмущения. В то же время арабские авторы свидетельствуют об исключительной самостоятельности татарских жен в решении повседневных вопросов, о «чудесах великого почета, в каком были у них женщины», и это несмотря на ислам. Дело в том, что пережитки языческого кочевнического быта и древнее монгольское право – яса – благополучно сосуществовали в Золотой Орде наряду с мусульманским законом – шариатом. Аль-Омари писал, что жены в Золотой Орде участвуют вместе с мужьями в управлении государством. В грамотах писалось: «Мнения хатуней и эмиров сошлись в этом». От имени ханш чеканились монеты и выдавались ярлыки.



Пайцза сборщика дани – баскака. Пайцза – это металлическая табличка с ханским знаком и пояснительной надписью. Пайцза была своего рода документом, удостоверяющим право предъявившего ее действовать от имени хана.

Однако русские женщины по многим причинам не мечтали стать женами монголов. Русским пленницам в Орде приходилось привыкать к непривычной пище («едят без разбора всякую падаль», как свидетельствовал Гильом (Виллем) де Рубрук) и тяготам кочевого быта. Оказавшаяся в наложницах или «вторых женах» русская женщина должна была подчиняться старшей жене аила (монгольской семьи). Русские красавицы учились «править повозками, ставить в них жилища и снимать их... готовить шкуры и шивать их ниткой из жил... шить

сандалии, башмаки и другое платье... Все женщины в татарском государстве должны были трудиться, как мужчины, в то время как последние отлучались на битву».

Некоторые другие монгольские обычаи также могли показаться оскорбительными для русских людей. Так во время приветствий, благопожеланий, испробования угощений у монгол полагалось надевать шапку, чтобы выразить почтение хозяевам. У русских же, наоборот, в таких случаях полагалось шапку снимать. Жест уважения кочевника казался русским людям оскорблением.

Шокирующей для русских была и «нечистоплотность» монголов. В условиях кочевой жизни и постоянной нехватки воды они очень редко мылись. А так как не хватало топлива, то пищу монголы готовили на кизяках – засушенном кале лошадей и коров. В результате от кочевников просто воняло. И русские, привыкшие регулярно париться в бане и топить печи душистыми дровами, не могли не морщиться, общаясь с монголами. И этим их оскорбляли.

В результате вполне нормальное, с точки зрения самого Чол-Хана, поведение как его самого, так и его ближайшего окружения, было воспринято тверичами как бесчестие и издевательство.

Последней каплей, приведшей к восстанию в Твери, был следующий эпизод: в день Успения Богородицы дьякон Дюдько повел рано утром молодую и здоровую кобылицу на водопой. Увидев красивую лошадь, татары кинулись ее отнимать. Дюдько, защищая свою собственность, начал драку с татарами, за него вступились прохожие тверичи. А затем татары начали бить по всему городу. Спасаясь от восставших, Чол-Хан со своими соратниками укрылся в княжеском дворце. Однако восставшие подожгли дворец, и Чол-Хан сгорел там вместе со всеми своими татарами. Затем разъяренная толпа набросилась и на гостей – ордынских купцов. Тверичи перебили их всех – кого посекали мечами, кого сожгли на кострах, а кого утопили в реке – Тверце. По одной версии, тверские князья поддержали восставший народ, а по другой – просто не смогли ему помешать.

Обратим внимание вот на что: Щелкан был убит не за то, что собираемая им дань была чересчур высока. Главной причиной, которая вызвала тверское восстание, было оскорбительное для русских поведение баскака. Деньги у «богатых посадских мужиков» еще были. По песне – они обратились к Щелкану с претензиями, принесли ему еще «злата-серебра и скатного жемчуга». Но баскак опять повел себя оскорбительно, теперь уже по отношению к челобитчикам: «Подарки принял от них, чести не воздал им», «зачванелся он, загорденелся» (возможно, просто одел шапку не вовремя), за что и был убит. По одному из летописных свидетельств – сожжен в княжьем дворце, по другому же – разорван на части возмущенной толпой, убит «всем миром». Потому и не нашли виноватого – «ни на ком не сыскалося» вины за его смерть.

Вот еще один показательный момент. В песне он отражения не нашел, но в летописи передан довольно четко – после баскаков гнев тверичей обратился на гостей – иноземных купцов. Дело в том, что откупщиками были именно иноземные купцы. Это они давали деньги на то, чтобы откупить у государства право на сбор дани. Возможно, сам Чол-Хан был лишь главой ордынского отряда, обеспечивавшего сбор дани и охрану купцов. Но даже если главным откупщиком тверской дани был сам Чол-Хан, вряд ли он лично собирал с каждого положенную мзду. Скорее всего, этим занимались его слуги и все те же иноземные купцы.



Восстание в Твери 1327 года. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

Тверское восстание хан Узбек не оставил безнаказанным. Вскоре после восстания последовал разгром Тверского княжества. Карательная армия, отправленная ханом на Тверь, состояла из татар – «Дюденевой рати» и московских войск во главе с князем Иваном Калитой.

Иван Калита был ловким интриганом и верным слугой хана Узбека. Ни он, ни его войска, видимо, не испытывали особой жалости и родственных чувств к восставшим против татар твери-чам. Разгром и дискредитация Твери были желанной целью московского князя. Ведь Тверь была в этот период главным противником Москвы в борьбе за Владимирский великокняжеский стол, а стало быть, и за гегемонию в Северо-Восточной Руси. Тверь, сама по себе, была в начале XIV века сильнее, чем Москва. А ордынский хан признавался во всей Северо-Восточной Руси легитимным правителем. Даже в песне о Щелкане его именуют царем. Поэтому Иван Калита просто не мог не воспользоваться такой политической удачей, как антиордынское восстание в Твери.

ОРДЫНСКАЯ ДАТЬ

В начале XIV века Сарай был действительным политическим центром Золотой Орды. Власть ханов была еще крепка, и это для большинства населения Золотой Орды было несомненным благом. Процветала торговля, мирное население могло спокойно работать, не опасаясь постоянных междоусобиц и набегов. Средством политической борьбы были доносы и отравления, а не разорительные междоусобные войны. Титулы и привилегии в этот период князья добывали себе в столице Орды при помощи взяток и связей, а восстания, антитатарские и антикняжеские, были не таким уж частым явлением.

Однако Ивану Калите удалось не только отнять у тверских князей титул великого князя Владимирского. Он, пользуясь своими связями в Орде и, возможно, личным доверием хана Узбека, сумел изменить саму систему взимания дани с Руси. Дело в том, что до Ивана Калиты баскаками – откупщиками дани на Руси были ордынские князья и их помощники, а возможно, и их «спонсоры» – согдийские и еврейские купцы. Иноязычные, исповедовавшие другую религию, незнакомые с местными условиями и обычаями, они собирая на Руси дань, действовали как слоны в посудной лавке, что вызывало периодические антитатарские восстания. Поэтому, в конце концов, ордынские ханы сочли, что более целесообразно отдать право на сбор дани самим русским великим князьям. Прежняя схема сохранилась – русские князья вносили в ордынскую казну дань из собственных средств, покупая таким образом право на сбор ордынской дани со своей территории. Затем, пользуясь полученным правом, они собирали несколько большую сумму со своих подданных.

Возможно, такая схема была введена сразу после Тверского восстания. Или она существовала и ранее, но не была повсеместной. Бесспорно одно. В 1339 году Иван Калита «откупил» у хана Узбека право сбора дани в Орду с территории всей Руси. С тех пор баскаков на Русь из Орды не посылали. Естественно, что другие великие князья самостоятельно собирали дань со своих княжеств. Потом они, видимо, отправляли эти деньги в Москву. В годы «великой замятни», да и в годы размирия между Москвой и другими княжествами, великие князья Тверские и Рязанские, видимо, везли свою дань в Орду самостоятельно, а, возможно, и вовсе ее не платили.

Впрочем, любая из этих схем может быть подтверждена только косвенно. Как мы уже писали ранее, русские княжества XIV века не имели еще достаточно развитой бюрократической системы. А по отрывочным сведениям об ордынской дани, которые доходят до нас в летописях, с точностью восстановить порядок ее сбора и доставки в Орду пока не представляется возможным.

Однако получить какое-то представление о том, каким образом татарская дань распределялась между князьями и между отдельными феодальными владениями, мы можем, изучив духовную грамоту князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича, написанную около 1401 – 1402 годов. Вот отрывок из этого документа:

«...А выйдет дань великого князя к Орде дати, и дети мои и княгиня моя возьмут дань столько со своих уделов, сколько в сей в грамоте писано, а взяв дань каждый на своем уделе, пошлют каждый своего боярина со своим серебром вместе к казне великого князя и отдадут серебро вместе...

А коли выйдет дань великого князя к Орде в пять тысяч рублей, берется дани с детей моих и княгини моей и их уделов триста двадцать рублей, кроме Городца и Углича Поля, и княгиня моя возьмет дань с Лужи, и со всего своего удела, и с Лужовских волостей, и слобод, и околиц, и сел, и с Козлова броду, и с Бадеевой слободки, восемьдесят восемь рублей, а сын, князь Иван, возьмет дани с Серпухова и со всего своего удела пятьдесят рублей без полутора рубля, а сын, князь Семен, возьмет дани с Боровска и со всего своего удела тридцать три рубля,

а сын, князь Ярослав, возьмет дани с Ярославля и со всего своего удела семьдесят шесть рублей, а сын, князь Андрей, возьмет дани на Радонеже и со всего своего удела сорок два рубля, а сын, князь Василий, возьмет дань на Перемышле... сорок один рубль, а сын, князь Семен и князь Ярослав, возьмут дани с Городца и с Городецких волостей в новгородский выход, в полторы тысячи рублей, возьмут сто шестьдесят рублей, по нашему до-кончанию, кроме Пороздны, а с Пороздны сын, князь Семен, возьмет дани в то ж серебро по расчету, а сын, князь Андрей и князь Василий, возьмут дани с Углича поля сто пять рублей.

А всего возьмут дети мои и княгиня моя дань с уделов своих, и с Городца, и с Городецких волостей, и с Углича поля в шестьсот рублей без пятнадцати рублей. А прибудет дани боле или менее, и они возьмут дань по тому ж расчету.

А переменит Бог Орду, и князь великий не станет выхода давать в Орду, и дети мои также, а что возьмут дани... на своем уделе, и та дань тому и есть...».

Таким образом, примерная дань Орде составляла 5000 рублей. Тяжесть этого налога распределялась по всей Русской земле. На удел Владимира Андреевича приходилось 320 рублей ордынского выхода. Если сумма ордынского выхода увеличивалась, то пропорционально возрастала и доля каждого князя. А если уменьшалась, то падала и доля.

Из этого же документа видно, что 1500 рублей ордынской дани платил Новгород Великий. Из этой суммы, по какому-то договору, 160 рублей брал себе Владимир Андреевич.

В то же время общая сумма налога, которую к 1400 году получал Владимир Андреевич со своего удела, составляла «шестьсот рублей без пятнадцати рублей», то есть 585 рублей. Таким образом, в орду уходило с земель Владимира Андреевича чуть больше половины собранных доходов.

Обращает на себя внимание оговорка князя – в случае, если Русь не будет платить дань Орде, вся собранная сумма должна остаться у наследников Владимира Андреевича. То есть собирать со своих уделов они будут все те же без малого 600 рублей, но все эти деньги оставят у себя.

Далее, из документа видно, что Владимир Андреевич прекрасно понимал – и сумма ордынской дани, и размер доходов с каждой конкретной территории могут измениться. Однако он указывает точные размеры своей доли в общерусской ордынской дани и распределение ее внутри своего удела, чтобы этим дать базу для последующих расчетов. Соотношение его участия не должно быть иным, чем 320 к 5 000, а доля участия любого из указанных им в завещании уделов в сумме 320 рублей должна быть исчислена исходя из соотношения «сумма, указанная для удела», к 585 рублям.

Итак, то, что Иван Калита и его наследники были откупщиками ордынской дани со значительной части территории Руси, кажется нам бесспорным. Это предположение может объяснить, каким образом Иван Калита «купил» такие обширные владения, как Галич, Белозеро, Углич.

Трудно представить себе, что Галицкие, Углицкие и Белозерские князья просто проели-пропили свои земли. Видимо, в трудные для этих небольших княжеств годы, когда они были не в состоянии заплатить ордынскую дань, московский князь уплачивал за них из своей казны, а в счет долга, в полном соответствии с правовыми нормами того времени, забирал в собственность их земли, как «купли». Иначе непонятно, что могло заставить князей продать Ивану Калите свою отчину, которая была единственным источником их дохода и власти.

Однако со времен хана Узбека в Золотой Орде многое изменилось. К 1359 году в правительстве Орды назрел серьезный кризис. Уже при хане Узбеке феодальная аристократия, захватившая в свои руки управление улусами, стала очень влиятельной. Арабский писатель первой половины XIV века Эль Омари писал о хане Узбеке: «...из дел своего государства он обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается до частных относительно взимания и рас-

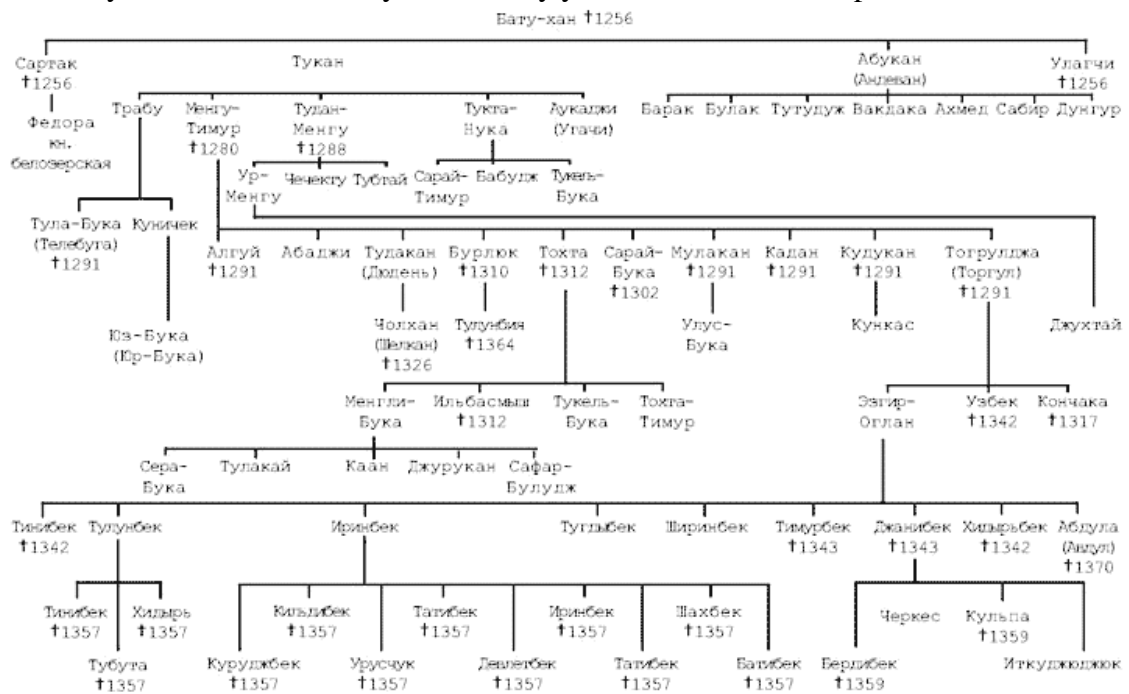
ходования (податей)», представляя решение таких важных вопросов, как взимание и расходование государственных налогов, эмирам, державшим в своих руках все нити государственного управления.

После смерти хана Узбека 7 апреля 1342 года феодальная, а точнее, чиновническая, управленческая аристократия приобрела еще большее влияние. Произошел дворцовый переворот. Прямой наследник Узбека, его старший сын Танибек был убит, а на престол посажен его младший брат Джанибек. Огромным влиянием в Орде в это время пользуется жена Узбека, мать Джанибека, ханша Тайдула (именно ее вылечил в 1354 году, находясь в Сарае, будущий митрополит Алексей).

За Джанибека, видимо, в еще большей степени правили его приближенные и министры – эмиры. На годы его правления приходится столкновение татар с итальянцами в 1343 и 1344 годах в причерноморских городах Кафе и Тане (современные Феодосия и Азов). Мятежный царевич Мубарек попытался отделить от Золотой Орды самые восточные ее территории – Синюю Орду. Правда, эти попытки были жестоко пресечены – в 1352 году Джанибек разбил Мубарека и вновь подчинил себе территорию Синей Орды. В 1344 году польский король Казимир вторгся в Галицко-Волынскую землю, прежде платившую дань Золотой Орде. Но татары, похоже, никак не отреагировали на попытки отнять у них эту богатую территорию. То же самое можно сказать и о ряде городов на юго-западе Руси, ранее подчиненных татарам. Не случайно русские князья сообщали Джанибеку, что «Ольгерд улусы твои все высек и полон вывел».

Сильный удар по Золотой Орде нанесла и чума, свирепствовавшая в Поволжье и Причерноморье в 1347 – 1350 годах. Только в одном Крыму тогда умерло от болезни свыше 85 000 человек. По сообщению русских летописей в ордынских городах погибло столько народу, что «не было возможно живым мертвых погребати».

В то же время Джанибек на юге вел упорную борьбу с правившей в Иране монгольской династией Хулагидов. В 1357 году Джанибеку удалось завоевать Азербайджан.



Родословная таблица рода хана Батыея

Но в этом же году Джанибек заболел. И придворные, ожидая его скорой смерти, принялись делить власть. Когда Джанибек пошел на поправку, то один из его придворных, Тоглу-

Бай, из страха, что царю станут известны его интриги, убил Джанибека. Судя по другим источникам, Джанибека, руководствуясь теми же мотивами, убил его собственный сын Бердибек.

Опасаясь, что кроме него сыщутся и другие претенденты на царскую власть, Бердибек приказал убить всех других ордынских царевичей – своих дядей и братьев. Эмиры, судя по всему, мало пострадали. Но даже эта звериная жестокость не смогла обеспечить Бердибеку прочной власти. Через два года, в 1359 году, он был убит во время очередного дворцового переворота. В Орде началась «великая замятня».

С момента убийства Бердибека ханы в Орде сменяли друг друга с такой калейдоскопической быстротой, что летописцы даже не успевали вносить их имена в свои записи. Так, в 1361 году один из ханов «побил рекорд» краткосрочности правления – он правил всего три дня. После чего был убит. По мнению М.Г. Сафар-галиева – авторитетного исследователя истории Золотой Орды, восстановить подробно происходившие в этот период в Сарае события – дело пока непосильное для исследователей.

ЛИТОВСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

В то время Великое княжество Литовское оставалось последним языческим государством Центральной и Восточной Европы. Веру предков здесь исповедовали члены правящей династии и коренные литовцы. В XIV веке, в период правления князя Гедимина и его сына Ольгерда, благодаря огромному расширению своих владений и укреплению внутренней организации, Литва приобрела большое политическое значение.

Вторая половина XIII века и начало XIV века были временем необычайно быстрого распространения власти литовских князей на земли западной, а затем и юго-западной Руси. Уже при князе Гедимине вассалами Литвы стали минский, лукомский, друцкий, берестейский и дрогичинский князья. В 1340 году Гедимин посадил своего сына Любарта княжить во Владимире-Волынском.

В 1344 году польский король Казимир впервые попытался отторгнуть Галицкие земли от великого княжества Литовского. Борьба за них тянулась около сорока лет. Видимо, в 1340 году Любарт Гедиминович, княживший в Волыни и Галиции, еще платил Золотой Орде дань. Но с ослаблением Орды эти выплаты, естественно, прекратились. Галицкая земля стала ареной длительной войны, и хотя к 1349 году почти вся ее территория уже была захвачена польскими войсками, борьба за эти богатые земли между Польшей, Литвой и Венгрией не прекращалась до 1387 года.

При князе Гедимине даже в Киеве ощущалось литовское влияние, хотя киевские князья тогда находились еще под властью Золотой Орды. Местное население зачастую само, по своей воле звало к себе на правление литовских князей.

Объясняется это тем, что литовские князья, устанавливая свою власть над русскими землями, стремились во всем приноровиться к местной жизни, порядкам и культуре. Они старались вносить как можно меньше изменений. «Мы старины не рушим, а новизны не вводим» – таково было их правило. Литовцы принимали православную веру, местную культуру, язык – одним словом, становились русскими князьями, только новой династии.

Именно этим было обусловлено столь быстрое продвижение литовцев на юг и на запад. Да, им приходилось завоевывать новые земли. Но, сломив сопротивление местных князей, а кое-где и вступив с ними в соглашение, литовцы затем не встречали препятствий со стороны остального местного населения.

Ольгерд был третьим из семерых сыновей великого князя литовского Гедимина. Ольгерд был удельным князем кревским. Он женился на Марии – дочери витебского князя Ярослава Васильковича и после смерти тестя в 1320 году получил в приданое за женой Витебское княжество. Вместе с братом Кейстутом, желая отомстить за смерть отца, в 1341 году он напал на Пруссию и одержал несколько побед над Тевтонским орденом. В том же году он сражался против войска хана Узбека. В 1342 году оказал помощь Пскову, осажденному немецкими рыцарями.

В 1345 году Ольгерд стал великим князем литовским. На протяжении всего своего правления он, вместе со своим братом Кей-стутом, вел почти непрерывные войны с Тевтонским орденом. В то же время, он пытался расширить литовские владения на Руси.

князя порвать союз с Ольгердом. А в 1355 году Ольгерд и сам захватил Ржев – смоленский город, после чего отношения Смоленска с Литвой были надолго испорчены.

Заметим, что в 1350 году Ольгерд, захвативший военным либо династическим путем некоторые земли, входившие в Золотую Орду, все же ведет себя с царем Джанибеком как его подданный. Посылая к царю брата с жалобой на Семена Гордого, он становится в ряд других русских князей, признающих верховенство Орды и платящих ей дань. Возможно, до «великой замятни» Ольгерд даже исправно платил дань со своих земель, входящих в Русский Улус Золотой Орды. Но в 60-х годах ситуация резко изменилась.

Ольгерд Гедиминович, так же, как и митрополит Алексей, а, возможно, и раньше, чем тот, понял, что Орда ослабла и не сможет теперь дать отпор. Но у литовского князя были куда более значительные силы и куда более широкие, чем у московского боярского правительства, планы.

Начиная с 1362 года Ольгерд повел широкое наступление на Золотую Орду, с целью оторвать от ослабевшей державы как можно больше лакомых кусков. На берегах реки Синие Воды он разгромил трех татарских князей (Хаджибея, Кутлуг-Бугу и Дмитрия), управлявших Подольской землей. Кочевавшие до этого в Подолии татары удалились в Добруджу, а в руках Ольгерда оказались вся левая половина бассейна Днестра, от устья реки Серета до моря, весь бассейн Южного Буга, Днепровские лиманы и пространство вверх по Днепру до впадения реки Роси.

Занятие литовцами Киева произошло без борьбы: Ольгерд сместил княжившего там ставленника Орды, князя Федора, и отдал Киев в управление своему сыну Владимиру. В эти же годы Ольгерд захватил Чернигово-Северскую, Волынскую и другие земли на юге Руси. Таким образом, Ольгерд отторг от Золотой Орды весьма обширную территорию, практически вдвое увеличив за ее счет земли великого княжества Литовского. Татары не смогли противостоять захватам Ольгерда, так как в это время на всей территории Золотой Орды установилось практически безвластие. Ордынские царевичи продолжали борьбу за контроль над столицей, а местные князья и мурзы были предоставлены сами себе и просто не смогли защитить свои земли от литовской армии.

Впрочем, на захваченных землях местная знать не лишилась своего влияния и власти. В главных городах захваченных земель – в Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе – сели князья-литовцы, а на меньших волостях остались князья древней династии Рюриковичей.

АКУЛЫ ТОРГОВОГО БИЗНЕСА

В это время в Западной Европе начиналась эпоха Возрождения. Уже проснулся в Италии интерес к античному наследию. Уже создал свои бессмертные произведения Данте Алигьери, писал свои сонеты Франческо Петрарка, и итальянцы смеялись над фривольными новеллами Джованни Боккаччо. Философы в Парижском и Пражском университетах уже вели богословские и научные споры.

Но в целом жизнь европейцев того времени была тяжелой и беспросветной. После каждой войны территорию Европы наводняли плохо организованные и не подчиняющиеся никаким законам банды наемников. Большая часть государей была совершенно бессильна перед бандинским беспределом и феодальной анархией. Западная Европа была сосредоточена исключительно на своих собственных проблемах. Эпоха крестовых походов закончилась. Везде, где европейцы пытались насадить свое влияние силой оружия, они потерпели сокрушительное фиаско. Единственным жизнеспособным государственным образованием крестоносцев оказался Тевтонский орден. Но и он остановил свое продвижение на восток, столкнувшись с сопротивлением Литвы и Новгорода. В XIV веке немцы предпочитали не воевать с Русью, а торговать с ней. Все большую экономическую и политическую силу набирала Ганза – союз североευропейских приморских городов.

Императором Германской империи под именем Карла IV в это время был славянин, король Чехии, а папы римские находились под жестким контролем французской короны в Авиньоне (знаменитое Авиньонское пленение пап продолжалось с 1309 по 1377 год).

Между Англией и Францией шла начавшаяся в 1337 году Столетняя война. В 1356 году в битве при Пуатье цвет французского рыцарства был разгромлен англичанами, а в 1358 году во многих французских провинциях вспыхнула крестьянская война, вошедшая в историю как Жакерия. В 1360 году в Бертини французы вынуждены были подписать невыгодный для них, а потому временный мирный договор с Англией.

Но все же европейская политика в эту эпоху оказывала существенное влияние на земли, находящиеся в составе Золотой Орды. Предприимчивые купцы из итальянских городов-государств, особенно Венеции и Генуи, стремились не только выгодно торговать со странами Ближнего востока и Причерноморья, но и влиять на них, используя свои политические и финансовые рычаги, преследуя более обширные коммерческие цели.

Наибольшее влияние на Русь эпохи Куликовской битвы оказала Генуя, поэтому мы будем обращать свое внимание в основном на нее. Средневековая Генуя была городом купцов. Вообще, нигде в Европе купечество не достигало такого экономического и политического могущества, как в городах северной Италии. Нигде в торговую деятельность не вовлекались столь широкие слои населения. Путешественник, проезжавший через Венецию незадолго до Великой чумы 1348 года, пришел к заключению: «Весь народ здесь – купцы». О генуэзцах говорили также: «Генуэзец – значит купец». Действительно, именно крупное купечество задавало тон всей экономической, социальной и политической жизни в городах северной Италии.

В XIV веке происходит постепенная смена доминирующего типа крупного купца: странствующий по суше или по воде торговец, подвергающий себя всем опасностям и невзгодам, превращается в предпринимателя, который сидит в своей конторе и ведет дела преимущественно при посредстве агентов и переписки.

Все большее значение для купечества приобретает грамотность, образованность. Развивается математика. Происходит переход с римских на арабские цифры с применением нуля, что значительно упрощает расчеты. В бухгалтерии начинает использоваться принцип двойной записи (дебет-кредит). Итальянские купцы ведут запись своих доходов и расходов в журналах,

занося туда также и все могущие пригодиться им сведения. Возникают практические руководства по торговой деятельности.

Чтобы в ходе дальнейшего исследования лучше понять мотивы поступков генуэзцев порой шокирующих своей циничностью), разберемся в морали итальянского купца XIV – XV веков.

У делового человека того времени было два облика. Он сочетал культуру с коммерцией, религиозность – с рациональностью, благочестие – с аморальностью. Освобождая политику от нравственности, он был «макиавеллистом до Макиавелли». Он пытался перестроить отношения между моралью и религией таким образом, чтобы вера в Бога не служила препятствием для не слишком чистых операций.

Во множестве деловых документов, оформлявших сделки, находим мы обращения: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа и святой Девы Марии, и всех святых в раю, да ниспошлют Они нам блага и здоровье, на море и на суше, и да умножатся наши дети и богатства, и да спасены будут наши души и наши тела!»



Портрет генуэзца. Современная реконструкция

В расчетных книгах купцов и торговых компаний велись особые «счета бога». Сюда вносились те суммы, которые купцы жертвовали на бедных и богоугодные заведения, – с тем, чтобы застраховать свои души от посмертных неприятностей. С Творцом обращались, как с членом купеческой компании, и размеры Его доли зависели от величины прибыли, полученной компанией. Таким образом, Бог был прямо заинтересован в том, чтобы даровать предприни-

мателям максимальный доход. К XV веку в Италии были в ходу выражения «человек, стоящий столько-то тысяч флоринтов». Мышление на коммерческий манер, склонность видеть самые различные стороны действительности сквозь призму расчета проявляются во всем. В расчетной книге венецианца Яко-по Лоредано содержится запись: «Дождь Фоскари-мой должник за смерть моих отца и дяди». После устранения врага вместе с его сыном купец на противоположной странице счета удовлетворенно делает пометку: «Оплачено».

Итак, для генуэзского и венецианского купца добро отождествлялось с пользой, добродетель – с выгодой, а зло – с убытками. Заботы о спасении души не служили препятствием для купцов в их торговле с язычниками и мусульманами. Баснословные прибыли давала торговля рабами-христианами. Так, приток рабов в Геную и Венецию из Причерноморья в XIV веке был огромен и начал сокращаться только с 80-х годов XIV века. Часть рабов оседала в Крыму, остальные переправлялись в Италию и Францию. Характерно, что женщины стоили особенно дорого. По нотариальным актам и другим архивным материалам установлены и цены на рабынь. После русских выше всего ценились черкешенки; татарки стоили дешевле.

Положение рабов было исключительно тяжелым. В Венеции оно закреплялось рядом законодательных актов XIII века. Провинившихся могли подвергнуть любым пыткам и казням. Дети рабыни становились рабами, даже если она вступала в брак со свободным. Католика нельзя было обратить в раба, а относительно других христианских конфессий строгих установок не существовало.

Таким образом, Генуей фактически управляли купцы и финансисты. Генуэзская республика оказалась первым западноевропейским государством, в котором политика и вся государственная машина были направлены на службу торговым интересам купечества.

Так, например, в 1344 году в Генуе был принят закон, который запрещал торговцам отправляться без оружия дальше Сицилии или Майорки. Военные и политические мероприятия Генуи были направлены на повышение прибыльности торговли генуэзских купцов. Таковы были войны Генуи с конкурентами Пизой и Венецией, такова была и политика Генуи в Византии и Причерноморье.

Генуэзцы появились на северных берегах Черного моря еще в XII веке, а в середине следующего столетия в 1261 году) за помощь, оказанную ими императору Михаилу Палеологу в сокрушении латинского владычества в Византии, получили исключительное право торговли на Черном море и одновременно добились запрещения торговать здесь венецианцам это запрещение, впрочем, действовало недолго).

Цели генуэзцев в отношении византийцев можно выразить словами Иоанна Кантакузина императора Византии Иоанна VI): «Задумали они не малое: они желали властвовать на море и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им...»

Между тем Византия в то время страдала от внутренних раздоров и от нападений турок. Гражданская война в Византии закончилась лишь в начале 1355 года, когда император Кантакузин добровольно оставил престол и ушел в монастырь. Вместе с ним оставил престол патриарха и ушел на Афон патриарх Филофей. К власти пришли император Иоанн V Палеолог и патриарх Каллист.

Династия Палеологов удерживала за собой византийский трон и занимала его до последнего дня существования Константинополя. Но сама власть империи была уже очень слаба. В западных владениях страны господствовали сербы, восточные провинции стали жертвой турецкой агрессии. На островах и в самом Константинополе хозяйничали генуэзцы и венецианцы.

Первоначально итальянские купцы появились на Черноморском побережье как покупатели товаров, идущих в Европу по шелковому пути. Завязав торговые связи, они строили свои жилища, которые постепенно превращались в торговые кварталы в городах и в укрепленные поселения. Из гостей итальянцы стремились превратиться в хозяев Черного моря. Для этого

им нужно было контролировать все удобные порты и торговые центры, причем не просто контролировать, но и сделать их самообеспечиваемыми, независимыми от Византии и Золотой Орды. Венецианцы острее своей экспансии в Причерноморье направили в Тану нынешний Азов близ устья Дона). Им удалось заселить там ряд кварталов и добиться самоуправления. Генуэзцы в 1266 году добились от ставленника Золотой Орды в Крыму Мангу-хана передачи им во владение Кафы.

Вскоре после того как генуэзцы основали в поселке Кафе свою торговую факторию, их давние конкуренты – венецианцы – сумели обосноваться в Солдае (нынешний Судак). Генуэзцы утвердились в Галате на противоположном от Константинополя берегу Босфора). Отсюда Генуя могла контролировать всю морскую торговлю между Средиземным и Черным морями.

Отношения итальянских колоний с Золотой Ордой не всегда были добрососедскими: нападения на пришельцев из Италии совершались при всех ханах конца XIII – первой половины XIV веков – Токте, Узбеке и Джанибеке. Причиной негативного отношения татар к итальянским купцам была работорговля, которой те активно занимались, причем продавали в рабство в том числе и татар. Арабский хронист рассказывает, например, как в 1308 году хан Токта собрался отомстить «генуэзским франкам в Крыму, Кафе и северных владениях за разные дела, о которых ему сообщили, в том числе за захват ими детей татарских и продажу их в мусульманские земли». Но когда к Кафе двинулись войска, генуэзцы «узнали о приближении их, приготовили свои корабли, отплыли в море и ушли в свои земли, так что татары не захватили ни одного из них. Тогда Токта забрал имущество тех из них, которые находятся в городе Сарае и примыкающих к нему местах». Позднее генуэзцы, разумеется, возвратились в Кафу, а Золотая Орда не могла все время держать крупные воинские силы на черноморском берегу. К тому же, постоянно воевать с итальянцами татарским владыкам было просто невыгодно. Подавляющую часть времени между итальянскими купцами и татарами шла взаимовыгодная торговля.

Кроме того, жесткий порядок взимания дани, установленный в Золотой Орде, способствовал работорговле. Вспомним песню о Щелкане – там баскак за недоимки забирает в рабство самих должников или их родственников.

Эль-Омари пишет о татарах Золотой Орды: «Иногда они ставят данью в трудное положение – в годы неурожайные, вследствие падежа скота или вследствие сильного выпадения снега и утолщения льда. Они продают тогда детей своих для уплаты своей недоимки».

В 1343 году произошли беспорядки в Тане и в Кафе. Видимо, итальянцы, воспользовавшись смутой в Орде из-за убийства хана Джанибека), решили забрать себе больше власти. В Тане венецианцами в драке был убит наместник хана. Татары ответили посылкой карательного отряда, город был взят приступом и разгромлен. Венецианцам было запрещено впредь посещать Тану. Таким образом, их попытка захвата города провалилась.

Аналогичный инцидент, закончившийся избиением татар, произошел с генуэзцами в Кафе в 1344 году. Хан потребовал от генуэзцев немедленно покинуть город и пристань и, получив отказ, приступил к осаде города. Осада шла очень вяло. В феврале 1344 года осажденные генуэзцы организовали удачную вылазку – сожгли осадные машины и перебили до 5000 татар. Осада города была снята, но война продолжалась. По инициативе папы Климента VI 13 июля 1345 года между венецианцами и генуэзцами, до этого враждовавшими между собой, был заключен союз против хана. Папа объявил крестовый поход против татар. Однако организовать его не удалось.

Следует заметить, что в XIV веке папы объявляли крестовые походы ничуть не реже, чем в веке XII. Но большая часть этих воззваний так и оканчивалась ничем. Желающих отдать свою жизнь за веру в католической Европе становилось все меньше, да и влияние самих пап было в XIV веке невелико.

Итальянские купцы несли большие убытки от того, что была прервана торговля с Ордой. Они стали искать мира с ханом. Переговоры венецианцев с татарами закончились подписанием мира в Сарае в 1347 году. По договору восстанавливались привилегии, данные венецианцам при хане Узбеке; по-прежнему устанавливались льготные торговые условия в Тане и Половецкой степи; венецианцам был сделан ряд дополнительных уступок: товары освобождались от весовых сборов, таможенные сборы не должны были превышать 5% стоимости товаров. Текст договора с генуэзцами до нас не дошел, но он, по-видимому, был аналогичен договору с венецианцами.

После гибели Джанибека наступает долгий перерыв в нападениях татар на причерноморские владения итальянцев – до 1396 года. Причина тому – новая политика крымского темника Мамаю – любимца хана Бердибека. Уже в 1357 году генуэзцы, которые в течение почти ста лет своего присутствия в Крыму владели только одной Кафой, основывают свою колонию в Чембало (Балаклаве) и начинают возводить здесь неприступную цитадель. По договору 1358 года Ордой были сделаны существенные уступки в пользу венецианцев. Они приобрели право торговать в Сол-дае (Судаке), куда ранее въезд им был запрещен. Кроме того, таможенные сборы, взимаемые в пользу хана, были снижены до 3%.

Но этого итальянцам было уже мало. Почувствовав слабость ордынской власти, во время «великой замятни» они бросились «ловить рыбу в мутной воде» сетями.

ВРЕМЯ БЕСПРЕДЕЛА

*Все мое! – сказало злато,
Все мое! – сказал булат.
Все куплю! – сказало злато,
Все возьму! – сказал булат.*

А.С.Пушкин

КНЯЖЕСКАЯ ОХОТА

Рассвет позолотил купола церквей Москвы, залил алым светом бревенчатую городскую стену. Зарумянились наличники княжьего терема, веселые блики разлетелись от вывешенных намедни для просушки на тын горшков.

Хлопнула тяжелая дубовая дверь терема. На крыльцо, на ходу завязывая плетеный пояс, вышел отрок в ладных сапожках и расшитой красными узорами белой рубахе. Зевнул во весь рот, поежился от утреннего холодка. Хотел было вернуться за свиткой, но передумал: «Чай не зима, не замерзну. А то еще попадусь на глаза ключнику, мигом осерчает. Дескать, чего без дела лыгаешь? У-у, змей подколодный! Нет на него управы... Даром что князь меня жалует. Эх, был бы я боярином, небось не посмел бы мне ключник ухи драть!»

Мишка Бренок, княжий отрок, даже зажмурился от удовольствия, представив себе страшную кару злому ключнику. Вздохнул – боярином Мишка был только в мечтах. Отрок мотнул головой, отгоняя напрасные мысли, воровато огляделся и одним махом вскочил на высокие перила крыльца. Опасно балансируя, огляделся. На востоке во всей своей утренней красе поднималось солнце. Осеннее, не жаркое, оно только щекотно гладило лицо тонкими золотистыми лучами.

Мишка тихонько засмеялся от непонятной радости и широко раскинул руки, приветствуя Солнышко. Одними губами торопливо зашептал с раннего детства вытверженную молитву Дажьбо-гу – Солнцу. Боги – они все слышат, а лихим людишкам дворовым вовсе лишнее слышать не надобно. Не ровён час донесут ключнику, что княжий отрок поганым богам молится – несдобровать тогда! И князь от розг не спасет.

Еще раз оглядевшись, Мишка украдкой осенил себя косым солнечным крестом. Вино вато глянул на солнышко и спрыгнул с перил. Подумал и перекрестился еще раз по православному обычаю – на всякий случай, чай крещеный все-таки.

На заднем дворе послышался шум – заскрипели засовы, сонные голоса о чем-то вяло переругивались. Мишка тут же вспомнил, что сегодня наконец-то будет долгожданная радость – соколиная охота. В предвкушении потехи крутнулся на каблуке, юркнул в дверь и сломя голову помчался в княжескую спальню – будить Дмитрия. А то всю охоту проспиг...

Через час они уже мчались по широкому полю на резвых, холеных конях. Справа от Дмитрия скакал Бренок. Сзади ехали младшие сокольники и десяток дружинников, приставленных к князю для охраны. А впереди скакали, возглавляя колонну всадников, дядька Плещей и Федор Жила, старший сокольничий – худой, как оглобля, старичок с большим крючковатым носом, вызывающе торчащим над куцей седой бородой и жиденькими усами. На левой руке Жилы сидел белый сокол – царский подарок.

Сокола подарил юному князю сам царь Навруз. Подарил этим летом, когда батюшка Алексей возил Дмитрия в Орду, как он сказал, знакомить с царем. Но с тех пор все как-то

не было случая опробовать этот ханский подарок в деле. Сокол – Ак-Темир, белое железо по-татарски, или, как его уже любовно окрестил Жила – Артемий, видно, чуял уже, несмотря на закрывающий глаза колпачок, что везут его на охоту. Артемий нервно пощелкивал клювом и вертел во все стороны головой, а иногда даже перебирал нетерпеливо лапами.

Рядом с князем ерзал в седле, смешно повторяя повадки Артемия, неугомонный Бренок – клацал зубами и нервно вертел в разные стороны головой.

Дмитрий, глядя на выкрутасы Мишки, хотел было рассмеяться, но отчего-то застеснялся. Оглянувшись назад, он окинул взглядом полтора десятка едущих следом всадников и важно нахмурил брови. Нет. Он смеяться не будет. Бренку можно, он просто отрок, хоть и старше Дмитрия на год. А вот ему, князю, так себя вести неподобно. Однако сердце Дмитрия все же сладко замирало в предчувствии грядущего праздника. Раньше он только однажды видел из окна, как собираются на соколиную охоту. Охотится тогда ездил его отец князь Иван Иванович Красный, а Дмитрия по малолетству решили не брать. А много ли разглядишь из окна? И вот теперь все это – для него! Он целых две недели уговаривал Плещея, а потом Жила обещал ему, что научит, как запускать соколов, и даст ему пару раз пустить красавца Артемия со своей руки.

– Все. То самое место! – Жила осадил коня и оглянулся назад.

– Стоять! Всем стоять! Приехали! – замахал руками Плещей.

Впрочем, вся небольшая кавалькада и без того уже остановилась. Дружинники привычно разъехались в стороны, оцепив место, где остановился князь, широким полукругом, и принялись со скучающим видом осматривать расстилающееся перед ними поросшее камышом болотце. Руки их, однако, привычно лежали на положенных поперек седла луках, со стрелой наготове.

– Видишь, княже, – Федор Жила оглянулся к Дмитрию, хитро, по-стариковски прищурившись, – вот в таких болотцах самая птица и есть. Сей час мы пугнем ее из лука, а как птички-то взмоют, так и запустим соколиков, – и он посмотрел выжидающе в лицо князя.

Дмитрий хотел было сказать что-нибудь солидное в ответ, но во рту у него пересохло от волнения, и князь лишь утвердительно кивнул.

– Ну, с Богом, – Жила, распустив узелок, отвязал лапку Артемия от своей левой руки. Его примеру последовали и другие сокольники, освобождая от пут своих соколов. Потом Федор Жила решительно махнул правой рукой.

Один из сокольников натянул лук и пустил над болотом пронзительно свирящую татарскую стрелу со свистком. В камышах тут же шумно забили крыльями, и через секунду над зарослями взлетела целая стая серых селезней.

– Ага! – Жила растянул губы в азартной улыбке и снова махнул рукой: – Пускай по одному!

Одна за другой в небо взлетали быстрые, как молния, хищные птицы. Набрав высоту, они кидались из поднебесья вниз, на беспорядочно мечущихся над болотом селезней. Некоторые утки, сбитые соколами, падали прямо в болото, но большей частью, соколам удавалось удержать добычу в своих когтях, и тогда эти хищные красавцы, стремительно пикируя каждый к своему хозяину, бросали у ног его коня окровавленных уток и селезней, а затем садились на подставленную руку.

У Дмитрия перехватило от восторга дыхание.

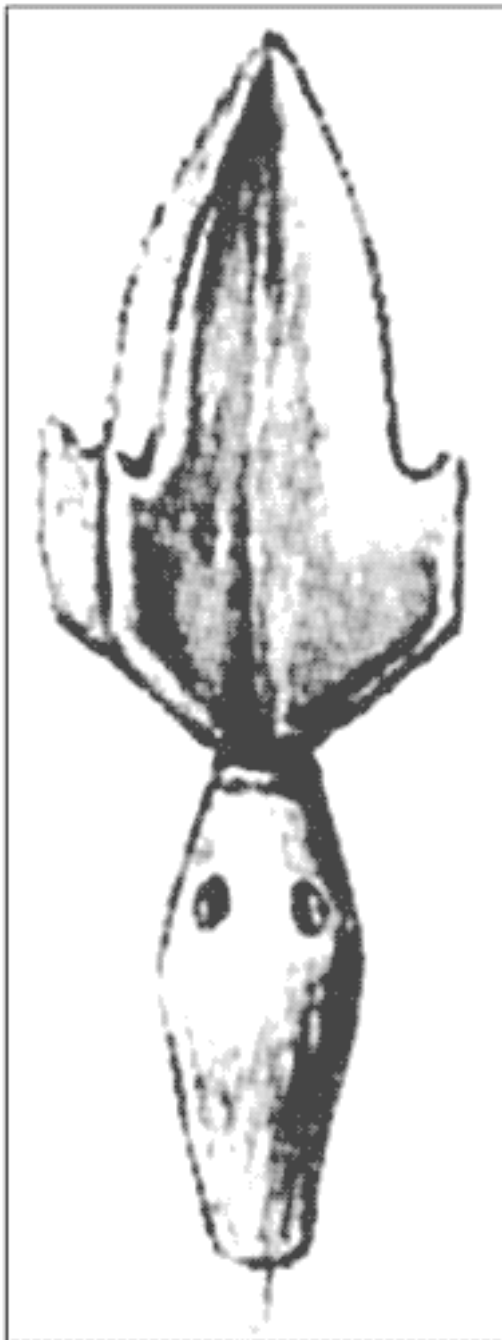
– Это что, – бубнил где-то сбоку Жила. – Вот сейчас Хроменький по ним вдарит... Хотя и Хроменький тоже... А вот Черкес! Смотри, как Черкес пошел!..

– А когда же Артемия запускать будешь, дяденька?! – полюбопытствовал неумный Бренок.

– Сейчас, сейчас... Пусть он сперва запах крови почует. Как летает он, ух! Пуше любого прочего... Ну, кажись, самая пора ему развернуться. – И Федор, сняв с головы Артемия колпачок, замахнулся и бросил его в небо.

– Да-а... – только и смог выговорить Дмитрий.

А Бренок, так тот просто открыл от удивления рот. Артемий падал на испуганно мечущихся над болотом.



Наконечник стрелы со свистком. Наконечники таких стрел снабжались костяными свистунками, которые издавали при полете стрелы пугающий звук.

Свистящие стрелы использовались для устрашения противника, для подачи сигналов и для спугивания дичи птиц, как стрела, цепко подхватывал их и бросал одну за другой всадникам под ноги. А Федор запускал его снова и снова. Десятилетний князь смотрел на Артемия и, кажется, сам летал вместе с ним, снова и снова с яростью обрушиваясь на бестолковых селезней.

А потом Жила дал ему самому запустить Артемия. Один раз. Больше не разрешил. Сказал, что почему-то нельзя сразу...

Они уже ехали обратно, когда в голову Дмитрию пришла правильная, как он сам сразу оценил ее – княжеская – мысль.

– Какой хороший подарок сделал мне царь... Навруз. Я и не знал, что сокол – это так... Так лепо. Надо мне в ответ тоже какой-нибудь подарок царю сделать.

Услышавший это Плещей как-то странно, нехорошо хмыкнул. А Бренок посмотрел на Дмитрия удивленно.

– Ты что же, не ведаешь еще?..

– Чего не ведаю?

– Ну, про царя Навруза...

– А что я про него должен знать? – пожал плечами Дмитрий. – Хороший такой дядька. Только что татарин. Ну, так у них там, в столице, все татаре...

– Помер он, твой Навруз. Некого благодарить... Ты че, и вправду не слышал еще?

– Нет, – Дмитрий удивленно уставился на Бренка. – А ты-то откуда?

– Да мне Митяй говорил давеча. Я думал, он и тебе... Там у них снова война была. Из Синей степи пришел какой-то другой татарин, ну и Навруза нашего... – Бренок сделал выразительный жест большим пальцем по горлу. – А потом и всю семью его, и всех деток. И бабушку его, Тайдулу, тоже прирезал, и еще всякого народа тьму... Так что у нас теперь другой царь. Только я имени его не запомнил. Надо будет снова Митяя спросить...

Десятилетний князь прекрасно помнил лицо царя Навруза. Толстые, криво усмехающиеся губы, грустные усталые глаза и холеную руку с пухлыми пальцами, унизированными разноцветными перстнями. Царь, беседуя о чем-то татарской скороговоркой с отцом Алексием, все гладил Дмитрия по голове и приговаривал время от времени:

– Якши, якши бола... – хороший мальчик.

А Дмитрию почему-то было страшно стоять рядом с этим, пахнущим одновременно конским потом и какими-то восточными благовониями, человеком. И еще Дмитрий вспомнил густую цепь царских отроков – нукеров. Они все время ездили следом за царем и стояли вокруг с обманчиво скучающими лицами. Князь глянул на едущих следом за ним дружинников. У царя Навруза таких вот было намного больше. И во всех церквях молились за царское здоровье люди...

– Да верно ли Митяй сказал? – с надеждой в голосе переспросил Дмитрий.

– Вернее некуда, – беззаботно кивнул Бренок. У едущего впереди Федора Жилы к седлу была приторочена целая связка убитых Артемием птиц. И из этой связки сочилась, капала под ноги князьему коню кровь.

ЦАРСКАЯ КРОВЬ

Золотая Орда расплзлась, как истрепавшееся лоскутное одеяло. Читая скудные летописные сведения о захлестнувших Сарай убийствах и изменах, приходишь в ужас. Почти каждый из дорвавшихся до власти ханов устраивал массовое избиение своих ближайших родственников, даже единоутробных братьев, видя в них своих потенциальных конкурентов. Но и это не спасало новых ханов от скорой смерти. Чингизидов было много. Обычай иметь множество жен и наложниц и всех детей от них считать законными привел к тому, что за несколько поколений потомки Чингисхана сильно размножились. И вот уже брат убивает брата, а сын – отца в борьбе за вождельный ханский трон.

Золотоордынское государство создавалось как мощная система принуждения и управления. Чтобы обеспечить власть немногих монголов над многочисленными чужими для них народами, был создан разветвленный государственно-бюрократический аппарат. Малочисленность принуждала монголов держаться друг за друга и ценить сородичей даже сильнее, чем ранее – у себя на родине. А еще их спланивали монгольские патриархальные обычаи. Но за годы, проведенные в окружении разнообразных иноплеменных слуг, монголы ассимилировались, не столько в расовом, сколько в культурном смысле. Патриархальный обычай – во всем опираться на своих родичей сменился привычкой доверять специально нанятым для управления государства чиновникам – эмирам. И созданная чингизидами государственная машина обернулась против них самих.

Ханы перестали видеть в родственниках свою опору. Они увидели в них своих конкурентов на трон. Ведь для обладания ханской властью уже не требовалось каких-то особых умственных или душевных качеств. Ханом мог стать, как показали несколько первых переворотов, даже безумец – лишь бы чингизид. Все равно за хана будут править мудрые эмиры. А хану достанутся почет, роскошная жизнь, пышные атрибуты власти... и, в скором времени, нож в спину от следующего, такого же «выдающегося» чингизида.

Бесконечная чехарда ханов у власти показала, что развращенные роскошью и оторвавшиеся от своих национальных корней, проживающие большую часть времени в столице многочисленные царевичи оказались неспособны не только управлять государством, но и просто удерживать власть в руках. И вскоре, когда столичные принцы кончились, перерезав друг друга, в Сарае стали появляться чингизиды из многочисленных провинций Золотой Орды.

Фактически за спиной претендентов на ханский престол за власть дрались между собой столичные эмиры. Об этом говорит тот факт, что сначала во время переворотов убивали лишь предыдущего хана. Потом победивший хан стал уничтожать всех своих вероятных конкурентов – тоже чингизидов. И – пик борьбы за власть – вместе со свергнутым ханом начали убивать и особо рьяно поддерживавших его, выдвинувшихся при нем на первые роли министров – эмиров.

Показательна судьба эмира Мамай. Он и до смуты занимал видные должности в Орде. До прихода к власти хана Бердибека Мамай был крымским темником – то есть командовал расположенным в Крыму и прилегающей к нему степи золотоордынским войском. Хан Бердибек выдал за Мамай свою дочь. По обычаю монголов, женитьба на дочери хана делала его гургеном, то есть ханским зятем, членом царского рода, и давала большие права, за исключением права на трон. Бердибек предоставил ему высший государственный пост беглербека. И Мамай, естественно, переехал в столицу Орды. Несомненно, он участвовал в той или иной степени во всех политических перипетиях Сарая.

Убийство Бердибека, очевидно, прервало карьеру Мамай. Но в условиях «замятни», пользуясь своим исключительным положением в качестве гургена, Мамай пытался сам претендовать на трон ханов и даже выбил в Азаке (современный Азов, он же – Тана в западных

источниках) в 1361 году монету с титулом «Мамай правосудный». Однако в своих домогательствах Мамай потерпел неудачу и после 1361 года уже больше никогда не чеканил монет со своим именем. Ведь не принадлежа к роду Чингизидов, Мамай не мог претендовать на официальную верховную власть в Золотой Орде. Вместо этого он в том же 1361 году выдвинул своего «кандидата» в ханы Золотой Орды – потомка Чингисхана Авду-лу (в русских летописях – Авдуля), который в 1362 году на несколько месяцев стал ханом, будучи в действительности марионеткой Мамаю.

В конце 1362 года Авдула (то есть фактически Мамай) был свергнут другим потомком Чингисхана и, вместе с Мамаем, вынужден был удалиться в Крым. Крымом и прилегающими к нему с севера землями Мамай правил, естественно, самовластно, не оглядываясь на постоянно меняющихся сарайских правителей. Официально он считал легитимным только своего ставленника – Авдулу. Но хан Авдула жил в Мамаевом уделе, «в полной воле» Мамаю.

По примеру Мамаю поступили и князья некоторых других улусов Золотой Орды.

К 1361 году относится отпадение от Золотой Орды Казани, в которой начали чеканить собственную монету. На монете значилось: «Султан покойный Джанибек хан, да продлится царствие его. Булат Темур, сын Нугана». То есть казанский эмир Булат-Темур первым демонстративно отстранился от Золотой Орды. Чеканя такую монету, он декларировал, что последним законным ханом Орды был покойный Джанибек, и самовластно правил в Казани от имени давно погибшего хана.

На мордовских землях, в районе реки Пьяны, в том же 1361 году обосновался еще один ордынский эмир – Серкиз-бей. По словам летописи он «за Пьяна все пограбил», а потом «обрыв-ся рвом и ту седе». Но в том же 1361 году Серкиз-бею выбил из его владений и захватил их бежавший из Орды хан Тагай. Он правил мордовским улусом до 1365 года.

Чтобы более не утомлять читателя перечислением многочисленных «самостийных» эмиров и ханов, подведем итог: через несколько лет Сараю не подчинялся уже ни один улус Золотой Орды. Начинается борьба между засевшими в отдельных улусах претендентами на Ордынский трон за столицу и контроль над соседними территориями. Фактически империя распалась на несколько воюющих между собой княжеств.

КАК ВОЕВАЛИ В КОНЦЕ XIV ВЕКА

Здесь мы подробнее остановимся на том, каким, собственно, образом велась война в исследуемую нами эпоху. Для того чтобы наиболее полно осветить этот вопрос, рассмотрим последовательно военное дело западных, потом восточных соседей Руси, а уже затем отличия и особенности военного дела на Руси в эпоху Куликовской битвы.

В Западной Европе XIV века господствовало рыцарство, как основной род войск. Сила армии измерялась не количеством солдат, а числом рыцарей, то есть «копьями». В «копье» был один рыцарь, который, собственно, и считался полноценным воином, и весьма произвольное количество его слуг: сержанты, оруженосцы, коноводы, копейщики и стрелки. Таких слуг могло быть от двух до десяти, в зависимости от достатка рыцаря и от его потребностей. Собственно, слуги являлись при рыцаре вспомогательной силой и редко сражались самостоятельно. Главной их задачей было поддержание боеспособности рыцаря, вооружение его перед боем и посильная военная поддержка в бою. Вооружать и содержать слуг своего «копья» должен был сам рыцарь.

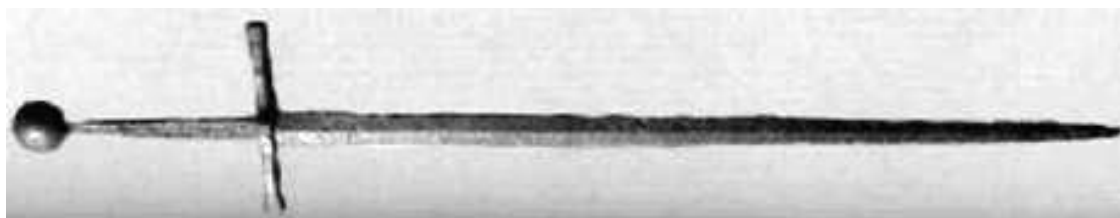
В рыцарской армии не было строгого разделения на рода войск. Каждое рыцарское «копье» представляло из себя особую боевую единицу и большей частью вело боевые действия самостоятельно. Большие сражения между такими армиями были делом нечастым. По большей части война заключалась в грабительских набегах на территорию противника и в осаде укрепленных пунктов. Но даже и во время больших сражений рыцари зачастую сражались не плотным конным строем, а отдельными «копьями». Внутри «копья» была довольно высока слаженность действий – воины были личными слугами рыцаря – прекрасно вышколенными, понимающими своего сеньора с полуслова. А вот взаимодействие рыцарей между собой было проблемой. Дело в том, что рыцарь и его небольшая личная дружина могли довольно много времени уделять совместным военным тренировкам. Но собранное вместе феодальное ополчение, состоящее из сотен рыцарских «копий», было организмом весьма рыхлым, недисциплинированным и непостоянным. Бесплатная служба рыцаря своему сеньору в Европе составляла 40 дней в году, а иногда и меньше. Для того чтобы держать своих рыцарей в строю дольше, призвавшему их на войну властителю обычно приходилось платить им немалое жалованье. Как правило, королям и князьям средневековой Европы не хватало денег даже на то, чтобы вести, собственно, войны. А уж о том, чтобы постоянно собирать рыцарские ополчения ради строевых учений, не могло быть и речи.



Рыцарский шлем. Милан, 1361 – 1366 гг.



Рыцарский доспех. 1390 г.



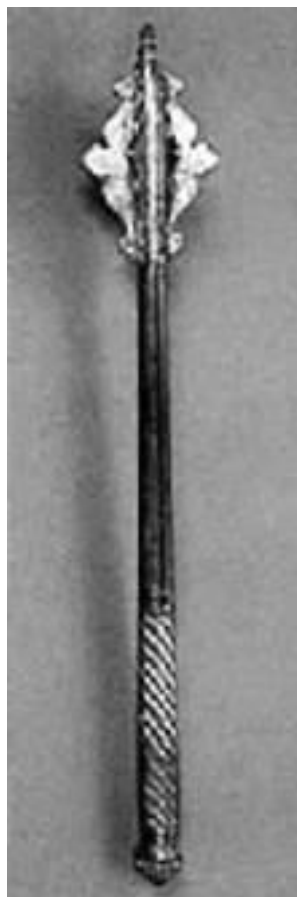
Меч XIV-XV вв.

Впрочем, иногда рыцари и их наиболее хорошо вооруженные и обученные конные слуги – сержанты выделялись в отдельный конный строй. В таком случае все остальные, пешие воины «копий» либо оставались в укрепленном лагере, либо ставились отдельным от рыцарей строем.

Сами рыцари были вооружены наилучшим, для западноевропейской кавалерии, образом. Корпус закрывался цельной кирасой, бригантиной или кольчугой. Железные доспехи рук и ног крепились к корпусу при помощи кожаных ремней, петель или пряжек. Рыцари XIV века предпочитали носить «бацинеты» – конические шлемы с опускающимся забралом, которые защищали голову и от копейного удара, и от удара мечом. Главным оружием рыцаря было копье. В бою он стремился им убить или вышибить из седла вражеского рыцаря. Если копье ломалось, рыцарь брался за меч. Если возникала необходимость пробить особо прочные доспехи противника, то он мог использовать булаву, шестопер или клевец.

В одном средневековом романе так описывается бой рыцарей:

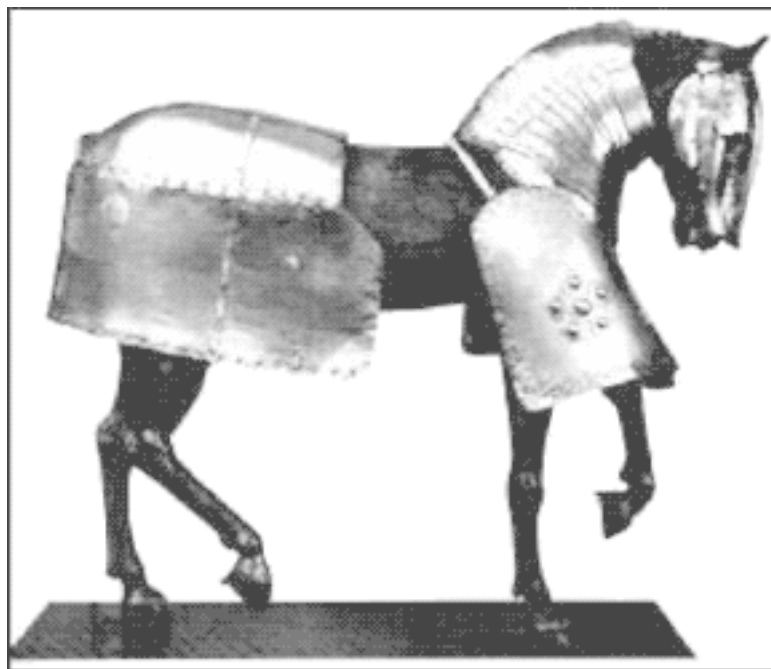
*Нет, копья не для красоты!
Удар – и треснули щиты,
Разваливаются кольчуги,
Едва не лопнули подпруги.
Переломились копья вдруг,
Обломки падают из рук.
Но глазом оба не моргнули,
Мечи, как молнии, сверкнули.
Обороняться все трудней.
Щиты остались без ремней,
Почти что вдребезги разбиты.
Телам в сраженье нет защиты.
Нет, не вслепую рубит меч,
А чтобы вражий шлем рассечь.*



Булава-шестопер, XIV-XVI вв.

Рыцарская лошадь также была защищена доспехом, зачастую не только стеганым, но и металлическим. Но вообще-то во время рыцарского поединка наносить удары по лошади противника, а не по самому противнику, считалось делом бесчестным. Тем более что обученные рыцарские кони, способные долгое время носить тяжеловооруженного рыцаря, были очень дороги. Такого коня каждый рыцарь стремился взять живым в качестве трофея.

*При мастерстве необходимом
Конь остается невредимым.
Противнику пробей броню,
Неповредив его коню.
Незря закон гласит исконный:
В бою всегда красивей конный.
Бей всадника – коня не тронь!
И невредимым каждый конь
В кровавом этом поединке
Остался, будто на картинке.*



Рыцарская лошадь. 1450 – 1460 гг.

На западе войны делились на «благородные» и «смертельные». «Благородная» война была своего рода поединком как между отдельными рыцарями, так и между целыми королевствами. В такой войне обе стороны обычно придерживались ряда условностей, точное выполнение которых превращало войну просто в одно из развлечений знати, лишь немногим более опасное, чем турнир или охота. Рыцарей противника старались, по возможности, не убивать, а брать в плен. По окончании боевых действий, а иногда и ранее, такого пленного рыцаря отпускали домой, взяв у него в качестве трофея боевого коня и все его военное снаряжение. Зачастую за самого пленного рыцаря брался выкуп. Таким образом, рыцарь-победитель наживался, а проигравший оставался жив, хотя и нес серьезные убытки.

При описании подобных, «благородных» войн, хронисты порой, даже приуменьшали потери проигравшего противника, так как считалось, что убийство благородных рыцарей, пусть даже и вражеских, не делает чести победителям.

«Смертельные» войны велись на Западе против восставших простолюдинов, а также против любых иноверцев, к которым рыцари относили еретиков, язычников, мусульман, православных – короче, всех, кто не подчинился римско-католической церкви и не принадлежал к избранному кругу европейской знати.

В «смертельных» войнах все средства были хороши, а убийство противника, пусть даже и доблестного, равно как и бесчеловечное обращение с пленниками грехом и позором не считались.



Рыцарь в доспехах. Современная реконструкция



Рыцарь в шлеме. Современная реконструкция

Кроме собственно рыцарского войска, составляющего основную силу, в западных армиях применялось и ополчение: городское или земельное. Оно состояло из пеших вооруженных простолюдинов. Если рыцари и отчасти их слуги, входящие в «копье» имели некоторый боевой опыт и время для военных упражнений, то ополченцы были людьми сугубо гражданскими и почти никакого военного опыта не имели. Боеспособность ополченцев, да и вообще любой пехоты, традиционно считалась в средневековой Западной Европе низкой. Обычно ополченцев, да и рыцарскую прислугу, если она строилась отдельно от своих рыцарей, сгоняли в некое подобие фаланги – в ошетилившийся копьями прямоугольник или каре. Единственной боевой задачей этого строя было – не разбежаться. Приведенные в расстройство отряды рыцарей могли укрыться за подобным построением, а затем, немного отдохнув и придя в себя, снова атаковать противника.

При разгроме рыцарской кавалерии одной из армий, ее построенная таким образом пехота, как правило, обращалась в бегство, а если и оставалась стоять на месте, то не могла оказать длительного сопротивления атакующим ее конным или пешим рыцарям. Иногда, для того чтобы повысить устойчивость пешего строя против вражеских атак, в него вставляли, спешившись, сами рыцари. Именно такой прием обеспечил победу англичанам при Пуатье и Азенкуре. Уверенные, что, когда дело дойдет до рукопашной схватки, рыцари будут сражаться вместе с ними, английские пешие лучники не обратились в бегство при виде атакующей их французской кавалерии и вели стрельбу до последней возможности, с максимально близкого и опасного для противника расстояния.

Но битвы при Пуатье и Азенкуре являются скорее исключением. Да и английские лучники – это профессионалы, наемники, а не ополченцы. Зная о низких качествах мобилизованной ополченческой пехоты, западноевропейские военачальники не стремились без крайней необходимости выводить ее в поле. Зачастую пехота оставлялась рыцарями для защиты укрепленного лагеря. Вообще, ополчение, если его и призывали, старались использовать при земляных работах или в обозе. Основной задачей городского ополчения была защита от врага городских стен.

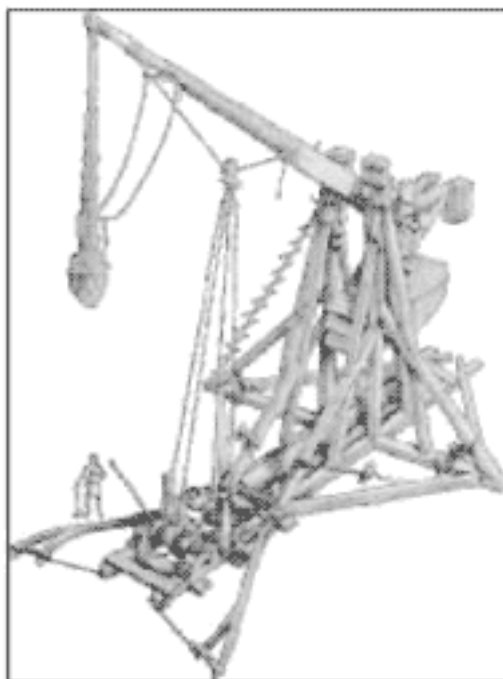
Городское ополчение было более дисциплинированным и организованным, чем сельское. Горожане, сами производящие оружие и располагающие значительными денежными средствами, были вооружены лучше, чем сельские ополченцы. Вооружение богатых горожан порой было не менее дорогим и хорошим, чем у самых знатных рыцарей. Мобилизовать и организовать городское ополчение тоже было намного проще, чем сельское. Горожане уже были организованы по улицам или цехам и имели привычку слушаться своих начальников. Сбор городского ополчения занимал не несколько дней, а несколько часов или даже минут. Ведь города были самой лакомой добычей для противника и часто подвергались нападениям.

По определенному сигналу – как правило, тревожному набату, горожане собирались на площади, а порой и сразу вставали на городские стены, чтобы защитить от врага свое имущество и жизнь. Но вдалеке от своего родного города ценность такого ополчения была значительно ниже. Ведь главной силой ополченцев была их численность. Защищая свой город, горожане питались из собственных запасов. Но в походе это было невозможно. Снабжение многочисленного войска – дело весьма хлопотное и трудноосуществимое в условиях средневекового натурального хозяйства.

Таким образом, сельским ополчением в Западной Европе пользовались крайне редко, и почти всегда безуспешно. А городское ополчение применялось в основном для защиты родного города и иногда для военных операций в его ближайших окрестностях.

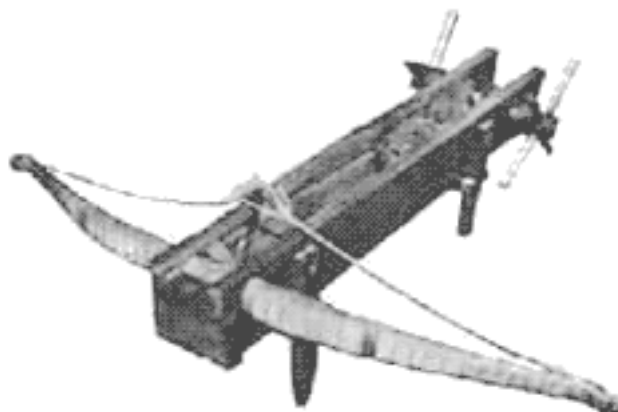
Еще одним видом западноевропейского войска XIV века были наемники. Как правило, это были отряды профессиональных воинов – выходцев из одной страны. Швейцарцы, фламандцы, бретонцы, гасконцы, шотландцы, албанцы, хорваты, арабы, англичане – вот далеко не полный список тех народов, которые поставляли своих воинов соседним странам.

Наемники были специалистами: стрелками, копейщиками, легкими кавалеристами. Военные подразделения наемников были, несомненно, гораздо более боеспособны, чем ополченцы, но все же не могли самостоятельно противостоять главной силе европейского средневековья – рыцарям. Наиболее известные среди этих наемников – английские, а точнее – валлийские из Уэльса) стрелки. Они приобрели свою славу благодаря победам английской армии при Креси, Пуатье и Азенкуре. Но без деятельной поддержки английской рыцарской армии ни одна из этих побед не была бы реализована. Рыцарская армия в Западной Европе XIV века составляла главную военную силу.



Требушет – осадное орудие для метания крупных камней. Такие орудия использовались при длительных осадах. Их привозили в разобранном виде и собирали, либо строили на месте из подручных материалов

Швейцарская пехота, умеющая организованно, не ломая собственный строй, атаковать противника, вышла на поля сражений Западной Европы лишь во второй половине XV века. Но в XIV веке основной действующей силой Западной Европы, несомненно, являлась рыцарская конница, а пехота была способна лишь на вспомогательные и оборонительные действия. Даже ставшие к этому времени самостоятельной политической силой германские и итальянские города предпочитали нанимать для ведения сухопутной войны соседних рыцарей и вооружать по рыцарскому образцу часть своих граждан.



Аркбаллиста – порок. Использовался для метания небольших ядер. Обычно ядра были каменные или, в отсутствие камней, деревянные, глиняные, иногда свинцовые

С XIV века начинает развиваться в Европе огнестрельное оружие, главным образом – артиллерия. Но в рассматриваемую эпоху артиллерия все еще – вспомогательное оружие, очень несовершенное и громоздкое, дающее пока, скорее, психологический, чем практический эффект. Основной артиллерией XIV века являются разнообразные метательные машины. Главным образом требушеты и аркбаллисты (в русских летописях именуемые – пороки).

На Ближнем Востоке и в Великой степи, простирающейся от Балкан до Тихого океана, военное дело строилось на совершенно иных, чем в Западной Европе, принципах. Если в Европе XIV века основным оружием боя были меч и копье, то в Азии и Восточной Европе основным видом оружия можно по праву назвать лук.

Дело в том, что западноевропейские луки в эту эпоху гораздо менее совершенны, чем азиатские и восточноевропейские. Знаменитый, воспетый западноевропейской беллетристикой, английский тисовый лук имел длину от полутора до двух метров и был конструкцией довольно тяжелой и неудобной. Азиатский же сложно-составной лук не превышал длины 107 см и был, соответственно, заметно легче и удобнее. Из длинного цельнодеревянного лука стрелять с коня невозможно. Пехотинец, чтобы стрелять из такого лука, должен упереть его нижнюю часть в землю. А из составного азиатского лука можно стрелять не только с места, но и на бегу, а также двигаясь верхом на коне. Дальность стрельбы из азиатских луков также значительно превышает дальность стрельбы из европейских цельнодеревянных. Если учесть все

эти факторы, то получится, что по своим боевым качествам европейский лук примерно вдвое уступает восточному составному композитному) луку.

*Вынимает он, Потык,
Из налуча свой тугой лук,
Из колчана – калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,
Калену стрелу в правую,
Накладывает на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо...
Заскрипели полосы булатные
И завывли рога у туга лука.*

Так описывается русский композитный – составной лук в русской былине о Михайло Потыке. На Руси и в Великой степи применение лука во время боя было делом повсеместным. А в Западной Европе применение лука считалось делом простолюдинов – наемников и ополченцев. Рыцари считали применение лука в бою делом постыдным (хотя во время охоты пользовались луками и арбалетами).

В Западной Европе предпочтение отдавалось решению боя путем рукопашной схватки, а лук рассматривался как не очень-то эффективное вспомогательное средство. Рыцари из европейского эпоса луками не пользуются. А вот русские богатыри и степные батыры, судя по былинам и эпическим преданиям, часто пользуются луком.

Вот как описывается поединок легендарных иранских витязей Рустама и Сухраба в эпической иранской поэме «Шах-Наме»:

*Мужи на вызов чести поднялись,
За луки медные они взялись.*

*Пошли стрелять. От их пернатых стрел
Степной онагр укрыться б не успел.*

*Летели стрелы гуще листопада.
Скажи: «Стрелять друг в друга им отрада!»*

Несомненным преимуществом восточных армий было наличие большого количества конных лучников, и вообще большого количества легковооруженной мобильной кавалерии. Конные лучники могли обеспечивать разведку и охранение основных сил своей армии, а также постоянно тревожить противника, осыпая его строй стрелами издали, с дистанции, на которой прицельный выстрел по движущейся мишени невозможен. К тому же, учитывая, что дальность выстрела из азиатского композитного лука больше, чем из европейского, встретившись с европейцами, азиатские воины могли обстреливать даже лучников противника ничем не рискуя.

Единственным спасением от такого утомительного стрелкового боя было – приблизиться к конным лучникам противника и вступить с ними в рукопашный бой. Но монгольские, да и другие азиатские конные лучники были обучены организованно и быстро отступать от превосходящего противника, заманивая его в засаду или в неудобное для боя место, а затем, в нужный момент, снова атаковать. Тяжеловооруженные европейские рыцари на своих крупных, но неповоротливых конях, не могли догнать отступающих легких конников и навязать им привычный рукопашный бой.

Именно поэтому немногочисленная армия Батые в 1240 – 1241 годах с легкостью расправилась с рыцарскими армиями Польши, Германии и Венгрии. В отличие от европейцев, монголы вступали в рукопашную схватку лишь максимально использовав преимущество своего стрелкового оружия.

Противостоять легковооруженным конным лучникам кочевников могла лишь столь же мобильная легкая конница оседлых народов. Оседлые народы, имеющие непосредственную границу с кочевниками, вынуждены были такой конницей обзавестись. Так, еще в домонгольский период у русских князей были соответствующие отряды легковооруженных всадников на быстрых конях, как из собственных дружинников, так и из наемников – половцев, черных клобуков и т. п. Отряды конных лучников также имелись в китайской, иранской, византийской армиях. А западноевропейские государства, не граничащие непосредственно с кочевниками, подобного рода войск не имели.

Обучение и содержание профессиональных конных стрелков в постоянной боеготовности для народов оседлых было делом довольно затратным. Их необходимо было кормить и довольно высоко оплачивать.

Кочевники же, благодаря своему образу жизни и способу ведения хозяйства, были уже готовыми кавалеристами – лучниками. Земледелец, работающий всю жизнь на пашне, не имел никаких боевых навыков. Кочевник же, принужденный самой жизнью охотиться и охранять при помощи лука от волков свои стада, был уже вполне обученным воином.

У монголов, превзошедших в своем искусстве ведения войны не только оседлые, но и кочевые народы, существовал обычай загонной охоты. Вот как ее описывает известный исследователь Харольд Лем:

«Монгольская облавная охота была той же регулярной компанией, но только не против людей, а против животных. Участвовала в ней вся армия, и правила ее были установлены самим ханом, который признавал их нерушимыми. Воинам (загонщикам) запрещалось применять против животных оружие, а дать животному проскользнуть через цепь загонщиков считалось позором. Особенно тяжело приходилось по ночам. Месяц спустя после начала охоты огромное количество животных оказывалось согнанным внутри круга загонщиков, группируясь около их цепи. Приходилось нести настоящую сторожевую службу: зажигать костры, выставлять часовых. Давался даже обычный «пропуск». Нелегко было поддерживать ночью целостность линии аванпостов при наличии перед ней возбужденной массы представителей четвероногого царства... Понятно, насколько такая обстановка была благоприятна для проявления воинами молодечества и удали; например, когда одинокий кабан, а недавно, когда целое стадо таких разъяренных животных в испуге бросалось на загонщиков».



Загонная охота

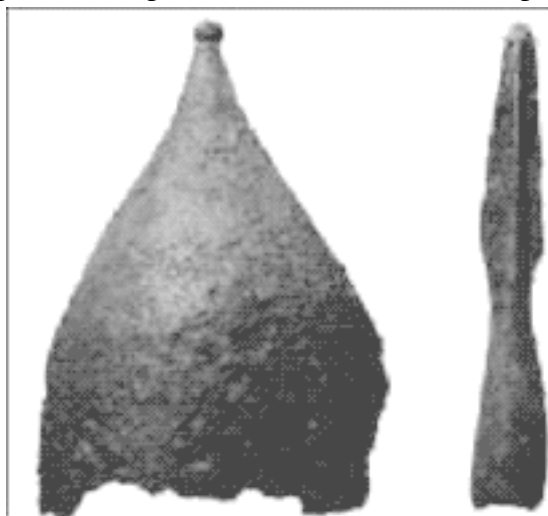
По окончании загона, хан первым открывал охоту. Убив лично нескольких животных, он выходил из круга и, сидя под балдахинном, наблюдал за дальнейшим ходом охоты. Следом в круг входили царевичи и темники, затем младшие начальники и простые воины. Охота, таким образом, иногда продолжалась в течение целого дня, пока, наконец, согласно обычаю, внуки хана и малолетние княжата не являлись к нему просить пощады для оставшихся в живых животных. После этого кольцо размыкалось, и охотники приступали к сбору туш.

Такая охота была своего рода военными учениями – прекрасной школой взаимодействия в обстановке, максимально приближенной к военным действиям. Проводилась подобная охота ежегодно, а порой и по несколько раз в год.

Вообще, в странах Востока дисциплина и взаимодействие во время боя были гораздо более развиты, чем в Западной Европе. Русские князья, византийские императоры, арабские владыки и монгольские ханы содержали за государственный счет довольно крупные дружины, которые, собственно, и составляли костяк их армии. Европейские государи таких крупных дружин не имели. Их армия большей частью состояла из феодального рыцарского ополчения, в целом весьма не дисциплинированного и не умеющего слаженно действовать во время боя. Именно этим объясняется различная боевая тактика восточных и западных армий.

Западные стратеги, собрав в единый кулак конную рыцарскую массу, предпочитали, обнаружив противника, немедленно бросить на него все свои силы. Почти всегда ставка делалась на первый массированный удар, и именно он решал исход дела. Дело в том, что рыцарское ополчение из-за своей недисциплинированности было неспособно долго находиться в виду противника, не бросаясь на него в атаку. Рыцари, которых военачальник попытался бы надолго удержать в резерве, просто не подчинились бы ему. Ведь находясь в резерве, они могут остаться без добычи и без славы. В то же время обращенная в бегство рыцарская конница остановиться уже не могла, так как ни один из рыцарей не мог во время бегства рассчитывать на помощь других. Мало того, даже притворное отступление рыцарской конницы, из-за общей ее недис-

циплинированности, легко могло обратиться в паническое бегство, и потому военачальники Запада почти никогда не решались применять в бою подобный прием.



Татарские шлем и копье XIV в.

Монгольское войско с тактической точки зрения было полной противоположностью рыцарскому. Монголы были приучены атаковать и отступать по приказу военачальника. Притворное бегство с целью заманить врага в засаду было их обычным приемом. Таким же было и применение резерва. Собственно, этих резервов, как правило, было несколько – монголы, постепенно вводя в бой все новые силы, атаковали противника волнами, каждая из которых была сильнее предыдущей. Если атака оказывалась неудачной, они организованно отступали, но, получив подкрепление, тут же разворачивали коней и вновь бросались в атаку на уже празднующего победу неприятеля.

В начале XIII века монгольская армия продемонстрировала всему миру свое превосходство, покорив большую часть Евразийского континента, после чего многие столкнувшиеся с ней народы поспешили перенять боевые приемы монголов. В середине XIII века папский легат Плано Карпини, воочию убедившись в преимуществах монгольской системы ведения войны, уделил существенную часть своей книги ее описанию. В своей «Истории Монголов» он советовал всем европейским монархам и военачальникам изучить и перенять военное искусство монголов, именно в этом видя залог спасения Европы от монгольского владычества.

Но монгольское завоевание Европы, которого так боялся побывавший в Каракоруме папский легат, не состоялось. Империя Чингисхана распалась, и монголам стало не до Европы. А монгольскую систему боя в Западной Европе перенять так и не смогли.

В то же время на Руси, вошедшей в состав Золотой Орды, основные принципы монгольской тактики ведения войны были приняты на вооружение. Впрочем, для Руси это было всего лишь модернизацией уже существующей системы. И в домонгольский период княжеские конные дружины довольно успешно могли противостоять половецкой легкой кавалерии. Против гораздо более хорошо организованных монголов они, правда, оказались бессильны. Но спустя несколько десятилетий дружинники русских князей были вооружены и обучены ничем не хуже своих степных коллег – ханских нукеров.



Зверства монголов. Иллюстрация к английской рукописи XIII в.

В этот период русскими активно применяется конная разведка. Перед каждым военным подразделением движется авангард из подвижных конных стрелков. Рукопашным схваткам, как правило, предшествует интенсивный стрелковый бой, да и сама рукопашная схватка становится более длительной, состоящей из нескольких сходов – суимов, с последовательным введением в дело все новых, находившихся в резерве, сил. При штурме городов начинают массированно применяться самострелы и метательные машины. Кони дружинников, по монгольскому образцу, защищаются доспешными попонами. Все предпосылки для подобного развития военного дела были на Руси и в домонгольский период, но монгольское нашествие, видимо, дало развитию военного дела на Руси мощный толчок. Сперва сражаясь против монголов, а затем и участвуя в их военных операциях, в составе 30-лотоордынской армии, русские воины быстро переняли все прогрессивные элементы монгольской системы ведения войны.

Основой войска на Руси XIV – начала XV века была дружина. Каждый князь имел собственную дружину. Дружинники-это и телохранители, и непосредственные исполнители княжеских приказов. Князь их кормил, одевал, платил им жалование из своей казны. Наиболее отличившиеся могли стать боярами (изначальный смысл слова боярин – ярый в бою). Собственно, сам институт боярства возник, когда князья стали давать своим старшим, наиболее верным дружинникам дополнительные поручения, особо за это их вознаграждая. Так княжий дружинник да не простой, а ярый в бою – боярин), замещавший князя в городе в его отсутствие, стал княжьем наместником. Другой боярин ставился князем на должность воеводы – предводителя отдельного военного отряда. Третий – на должность кравчего – распорядителя княжских пиров. И каждый из бояр за исполнение этих, особых, обязанностей получал вознаграждение. Например – деревню в кормление или обширный участок незаселенной земли в собственность. Такой боярин продолжал служить князю и выступал по княжескому приказу в поход, но зачастую уже со своей собственной небольшой дружиной. Можно провести аналогию между дружиной боярина и рыцарским копьём Западной Европы.

Существенная разница заключается в том, что рыцари через 40 дней службы отпускались по домам, а дружина служила князю постоянно. Бояре со своими слугами, конечно, могли быть отпущены в случае необходимости. Но и после этого существенная часть дружины все равно оставалась при князе. Да и бояре были привязаны к князю более крепкими узами подчинения, чем западноевропейский вассал к своему сеньору. Рыцарь служил сеньору 40 дней, а затем

располагал своим временем по собственному усмотрению. А боярин постоянно находился у князя на службе. Так что бояре, по княжьему приказу, наверняка участвовали не только в боевых действиях, но и в учениях дружины. По крайней мере, такие факты известны из позднейших источников – конца XV – XVI веков.

Таким образом, князь мог обучить свою дружину организованным действиям во время боя. Уровень дисциплины и слаженности действий княжеских дружин был близок к уровню регулярных армий более позднего времени, а порой и превосходил их, так как почти каждый год князь водил свою дружину в военный поход.

Чем более богатым и значительным был князь, тем более крупной была его дружина. Великокняжеская армия, таким образом, состояла из княжеской дружины и дружин подчиненных ему удельных и служебных князей и бояр. Это были дисциплинированные, профессиональные конные воины, умеющие, однако, сражаться и в пешем строю.



Русский шлем XIII в. Принадлежал князю Ярославу Всеволодовичу

На Руси гораздо более активно, чем на Западе и на Востоке, применялась в полевых сражениях пехота. Эта особенность была свойственна и Руси домонгольского периода. Пешие рати русских князей были довольно многочисленными и боеспособными, и, в отличие от Западной Европы, на Руси им отводилась в бою не второстепенная, а порой решающая роль. Видимо, эта пехота комплектовалась не только и не столько из сельских или городских ополченцев, сколько из профессиональных воинов, так называемых «охотников» или «воев», идущих на войну ради добычи.

В Европе поставщиками наемников были горные или лесистые территории (Уэльс, Шотландия, Бретань, Гасконь, Швейцария), жители которых в силу своих основных занятий уже имели военные навыки. Пастуху, охотнику или зверолову проще научиться военному ремеслу, чем мирному земледельцу. Именно поэтому европейским государям было дешевле нанять иноземных солдат, которые уже что-то умеют, чем с нуля тренировать своих подданных.

На Руси же, с ее бескрайними лесами, охотников, прекрасно стреляющих из лука, не раз ходивших с рогатиной, а то и с одним ножом на медведя, всегда было достаточно. Поэтому на Руси всегда находилось много желающих и умеющих воевать. Промысловые артели рыболовов и звероловов в случае войны могли легко превратиться в пеших ратников. Ведь эти воины не только умели стрелять из лука, орудовать рогатиной, топором и ножом. Такие охотники умели строить речные лодки – насады и ушкуи, ходить в них по рекам и, в случае необходимости, собственными силами переволакивать эти большие лодки через пороги или даже по волокам в соседние водоемы.

Русские пешие части всегда составляли существенную часть войска. Кроме того, в условиях изрезанной многочисленными реками лесной и лесостепной зоны такой полупрофессиональный «десант» был большим подспорьем для конных княжеских дружин. Да и без княжеской поддержки русское речное пехотное войско было грозной силой, что вскоре показали походы ушкуйников на Волге.

Во время «великой замятни» русские княжества не выставляли своих претендентов на ханский престол. Но тем не менее они активно участвовали в политических перипетиях Золотой Орды, поддерживая того или иного претендующего на трон чингизида. Руководствовались князья при этом сугубо своими собственными интересами, действуя, как мы увидим, не только политическими, но и военными методами. Русские князья вступали в союзы как между собой, так и с властителями нерусских ордынских улусов. Боевые действия русские князья вели также и друг против друга, и против соседних ордынских властителей. И в ходе этой, полной драматизма, борьбы все большее значение и силу среди русских княжеств приобретала Москва.

МОСКВА: ПОРТРЕТЫ ВЛАСТИ

В 1364 году в возрасте около 10 лет умер младший брат Дмитрия Ивановича Московского, Иван Иванович Малый. А на следующий год умерла мать Дмитрия, великая княгиня Александра. Еще через год молодой великий князь женился на Евдокии, дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича. Свадьба праздновалась 18 января 1366 года в Коломне. Судя по всему, супруги жили в согласии. Потеряв незадолго перед этим всех своих родных, шестнадцатилетний юноша, видимо, сильно привязался к своей супруге. Она осталась единственным близким для него человеком.

В летописях сохранилось описание внешности Дмитрия Ивановича в ту пору, когда ему было уже около 30 лет. Выглядел он очень сильным и мужественным. Телом был велик и широк, плечист, чреват (т. е. толст), очень тяжел, имел черные волосы и черную бороду. В этом описании бросается в глаза указание на раннюю пол-ноту Дмитрия Ивановича, что объясняет нам его раннюю смерть. В кратких сообщениях можно как будто заметить указание на то, что он умер от болезни сердца. Автор его жития говорит: «Потом же разболелся и тяжело ему велми было, и потом полегчало ему, и возрадовались все люди о сем. И снова в большую болезнь впаде и стенание пришло ко сердцу его, яко и внутренним его торгатися и уже приближался конец жизни его».



Портрет Дмитрия Донского из Большой Государевой книги. 1672 г.

Биограф Дмитрия Ивановича отмечает еще одну деталь – недостаточное образование князя:

«...аще бо и книгам не научен он добре». Впрочем, для князя того времени умение читать Псалтырь было не главным. Возможно, многие удельные князья тоже грамотностью не блистали. Однако заметим, что политические противники Дмитрия Ивановича – Ольгерд Гедиминович, Олег Иванович Рязанский и Дмитрий Константинович Суздальско-Нижегородский были людьми не только грамотными, но и высокообразованными.

Но Дмитрию Ивановичу больше повезло с помощниками. Митрополит Алексей – один из грамотнейших и умнейших людей своей эпохи, взвалив на себя тяжкую ношу руководства московской политикой, нес ее до самой своей смерти. Для Дмитрия Ивановича-человека властного и порой упрямого, Алексей всегда был высшим авторитетом. Поэтому, даже повзрослев и взяв все бразды правления Московским княжеством в свои руки, Дмитрий продолжал прислушиваться к советам и пожеланиям митрополита и до самой смерти Алексея находился под его влиянием. Можно сказать, что Дмитрий Иванович управлял княжеством под мудрым руководством митрополита, точно так же, как французский король Людовик XIII управлял страной под мудрым руководством своего духовника и первого министра кардинала Решилье.

Впрочем, политика Московского княжества зависела не только от Дмитрия и Алексея. Все, что Алексей задумал, все, чем Дмитрий Иванович руководил, исполнялось непосредственно московскими боярами.

Известно, что в XIV веке из всей массы княжеских бояр выделяется небольшая группа особо приближенных к князю лиц, которые называются «введенными боярами», т. е. допущенными в княжескую думу, – совет. Боярский совет решал, вместе с князем, все важнейшие дела в государстве. Конечно, бояре имели лишь совещательный голос. Окончательное решение всегда принимал князь. Но он не мог не считаться с мнением тех, кто будет претворять это решение в жизнь.

Даже суд князя не был единоличным – на суде присутствовало большее или меньшее количество бояр, а кроме того так называемые судные мужи.

Судные мужи – чрезвычайно характерный и интересный институт не только русского, но и западноевропейского феодализма. Присутствие их на всех судах, не только княжеских, но и на судах княжеских наместников и волостелей, было исконным обычаем древнего суда вообще и естественно вытекало из самой сущности древнего судопроизводства.

Средневековый суд был в подлинном смысле слова тяжбой, состязанием сторон. Обе стороны назывались первоначально истцами, т. к. каждый искал своего. Роль судьи состояла в том, чтобы наблюдать за состязанием сторон, не допускать не освященных обычаями средств борьбы и взыскивать с виноватого в свою пользу и в княжескую казну установленные пошлины. Судные мужи были представителями общественности, свидетелями тяжбы и в случае надобности давали показания по вопросам обычного права.

Из самой сущности древнего суда вытекало чрезвычайно важное следствие – недопустимость заочного суда и решения.

Таким образом, можно сказать, что княжеский суд был не только публичным, но по существу был выразителем общественного мнения ближайшего окружения князя).

Первое место среди московских бояр в 70-х годах XIV века, без сомнения, занимали Вельяминовы. Старший представитель рода, Василий Васильевич, был тысяцким до своей смерти в 1373 году, его брат Федор Воронец – боярином, а Тимофей – окольным. Через сына Василия, тысяцкого Микулу, Вельяминовы были в свойстве с великим князем, так как Микула и великий князь Дмитрий Иванович были женаты на родных сестрах – дочерях князя Дмитрия Константиновича Суздальского.

Московских боярских родов было немного – около двух десятков. И все они были связаны с князьями и между собой узами родства и свойства. Представители этих родов при дворе великого князя Дмитрия все были наперечет, все на виду. В такой среде сложился обычай местных родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его бояр.



Родословная таблица рода бояр Вельяминовых

Система местничества предусматривала установившийся порядок старшинства боярских родов. Само название «местничество» возникло от того, что более уважаемые и знатные бояре сидели во время совета и за пиршественным столом ближе к князю – на почетных местах. Сидеть рядом с князем было не только почетно, но и выгодно – ведь это давало возможность подать ему вовремя совет – князь слышит тех, кто ближе.

На каждом княжеском пиру или совете (а порой эти мероприятия совмещались) бояре рассаживались в порядке старшинства.

Но если князь считал, что кто-то достоин сесть ближе к нему, то он при всех выводил этого боярина из-за стола и указывал ему более почетное место. Этот своеобразный ритуал наглядно демонстрировал боярам кого и насколько князь ценит. Для отличившегося боярина, это было наградой, признанием его заслуг. Описание этого обычая сохранилось в былинах:

*Приходит он ко князю ко Владимиру
Тот старый казак да Илья Муромец
Со тем со Добрынюшкой со Никитичем,
Со братом со своим да со крестовым.
Дают тут ему место не меньшее,
Не меньшее место было – большее,
Садят их во большой угол,
Во большой угол да за большой-то стол.
Да как налили тут чару зелена вина,
Несли эту чару рядом к нему,
К старому казаку, к Илье к Муромцу...*

Обычным было постепенное продвижение боярина с дальних мест на ближние. И только за очень выдающиеся заслуги князь мог пересадить боярина с дальнего конца стола на ближайшее к себе место. При этом, естественно, те бояре, перед которыми новый любимец был

посажен, оказывались на одно место дальше от князя. Такая система порождала у бояр стремление отличиться на княжеской службе, завоевав себе более высокое место. Ведь если какой-то боярин долгое время никак не проявлял себя перед князем и не устаивался подобной милости, то он постепенно отодвигался на дальний конец стола.

Судя по свидетельствам былин, известного богатыря (боярина), пировавшего в княжеских палатах, сильнее всего могло обидеть-опечалить, если князь незаслуженно обходил его своим вниманием:

*Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные
Во батюшка во кирпичат пол.
Надевал он черну шляпу, вон пошел
Из того из терема высокого.
Выходил он на улицу на широку,
Идет по улице по широкой;
Навстречу ему удалый добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад.
Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселый?
Не дошло тебе от князя место доброе?
Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчестовал?..»*

Незаслуженное, по мнению других бояр, возвышение одного из них считалось несправедливым, «не по правде». Для боярина Алексея Хвоста такая стремительная карьера, как мы помним, окончилась трагически.

Новый боярин, только что пришедший к князю на службу, обычно садился за дальний край стола. Для того чтобы заслужить близкое к князю место, были нужны годы верной службы и неоднократные достижения на этом поприще.

Уже к середине XIV века образовалось основное ядро московского боярства. К концу этого века его можно считать вполне сложившимся. Позже оно обрастает новыми наслоениями, но все пришедшие позже роды, за небольшими исключениями, уже не могут занять видного и прочного положения. Случаи отъездов и выездов, конечно, бывали, и некоторые из них отмечены в родословцах, но подавляющая часть бояр и слуг служили наследственно, из поколения в поколение. После смерти боярина, как правило, его старший сын наследовал должность и занимал его место за княжеским столом. Таким образом, почетное место постепенно становилось не только признанием заслуг конкретного боярина, но и констатацией заслуг всего его рода перед княжеской семьей. Эта наследственность в должностях к XVII веку и привела к вырождению боярской думы. Бояре стали больше заботиться о своем месте по роду, чем о государственной пользе.

Но в XIV – XV веках система местничества еще была очень эффективной.

Обособление боярского класса произошло в XIV веке не только в Московском, но и в других больших княжествах – в Тверском, Рязанском, Нижегородском и т. д. Московские бояре не отъезжают, потому что не желают утратить выгодного положения на службе у растущего Московского великого княжества, а боярам и слугам других княжеств нет расчета пользоваться

своим правом отъезда по той простой причине, что им нет почти никакой возможности занять в сплоченной среде московского боярства видное место.

К тому же местные бояре, оставшиеся верными своим князьям, тесно связывают свои служебные интересы с землевладельческими и редко решаются покидать своих князей и терять вследствие этого свои отчины. Так, тверские и рязанские бояре, судя по родословцам, поступили на службу московских государей только после ликвидации независимости соответствующих княжеств.

Для правильного понимания взаимоотношений в княжеских дворах Руси XIV века следует помнить, что весь аппарат княжеской власти основывался на личных отношениях князя к своим слугам, что идеи отечества, долга перед родиной, идеи гражданства и гражданских обязанностей были еще неизвестны. Зарождение этих идей становится заметным только в XVI веке. Без идеи родовой чести, без представлений и обычаев, сложившихся на почве наследственности службы, княжеская боярская администрация была бы не крепким аппаратом власти, каким она была в действительности, а сбродом случайных людей.

БЕЗ ЦАРСКОЙ ЗАЩИТЫ

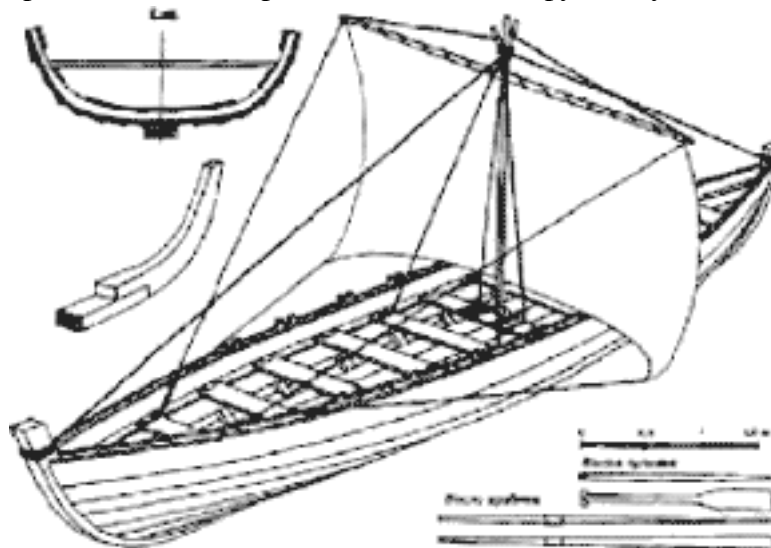
Ордынская «замятня» заставила русских князей самостоятельно заботиться об охране своих уделов, не рассчитывая на царскую помощь. В это время ханы Золотой Орды не в силах были обеспечить безопасность даже на Волжском торговом пути, хотя Волга была основной торговой артерией империи. Торговый путь по Волге был «курицей, несущей золотые яйца», поэтому в прежние времена нападение на купцов там каралось смертной казнью.

Но уже в 1360 году новгородские речные разбойники – ушкуйники с боями прошли по Волге до устья Камы, а потом взяли штурмом большой татарский город Жукотин. Захватив несметные богатства, они возвратились в Кострому, из которой, видимо, и начинали поход, и стали там «пропивать зипуны». Московские и нижегородские власти начали военные действия против ушкуйников, однако достичь успеха им не удалось. Ушкуйники не только отбили от регулярных княжеских войск, но и ограбили в отместку Нижний Новгород и Кострому.

В 1363 году ушкуйники всю гуляли по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды и Чагатайского Улуса. В 1366 году новгородские бояре, возглавившие ушкуйный поход, громили караваны между Нижним Новгородом и Казанью, ордынские войска опять оказались бессильными перед ушкуйниками, и хан Золотой Орды обратился за помощью к московскому князю Дмитрию Ивановичу. Дмитрий отправил грозную грамоту в Новгород. Новгородцы ответили, что, дескать, «ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман было делом житейским.

Походы ушкуйников повторялись в 1369, 1370, 1371 и 1374 годах.

Безвластие в Орде развязало руки всем, кто был жаден до чужого добра. В 1365 году ордынский князь Тагай, укрепившийся в Наручадской земле, совершил набег на Рязанскую землю. Он выжег Переяславль-Залесский и «плени все власти и села». Олег Иванович Рязанский вместе с князьями муромским, пронским и козельским пошел в погоню за татарами, настиг их и «побили князи рязанские татар». В результате «злой сечи» Тагай бежал «в большом страхе и трепете, и недоумении, что ему делать, видя всех татар избивенных, и тако рыдая и плача и лицо одирая от многой скорби, и едва в малой дружине убежал».



Речной ушкой. Так были устроены суда речных разбойников-ушкунников

Кары со стороны Орды в отношении Рязани не последовало, так как Тагай «сам о себе княжил» «в Наручадской стране» «по разрушении Ордынском».

В 1366 году «князь ордынский, именем Булат Темир, прииде ратью татарскою и пограбил уезд даже и до Волги и до села князя Бориса». Это казанский самовластный князь Булат Темир, правивший самостоятельно, не подчиняясь Сараю, совершил набег на земли великого княжества Суздальско-Нижегородского. И получил такой же согласованный отпор от нижегородцев, какой прежде получили татары Тагая от рязанцев:

«Князь же Дмитрий Константинович с Борисом и с Дмитрием и со своими детьми, собрали воинов многих, и пошли против Булат-Темира на брань. Он же окаянный не стал сражаться, но бежал за реку за Пьяну, и там множество татар останочных было избито, а другие в реке во Пьяне утонули, и по зажитьям такое множество их было побито, что и не счесть. А Булат-Темир оттуда бежал в Орду, гонимый гневом Божьим и там был убит от Азиза царя».

Таким образом, нижегородцы во главе с великим князем Дмитрием Константиновичем не только отбили набег Булат-Темира, но и полностью разгромили его армию, очистив от татар мордовский край за рекой Пьяной. Как мы видим, татарские набеги на русские земли, о которых вовсе не упоминается в летописях в предыдущую эпоху, теперь происходят со стороны соседних независимых ханов и довольно успешно отбиваются армиями великих князей рязанского и нижегородского.

С первой задачей, которая встала перед русскими княжествами, – самостоятельной защитой своих границ в условиях начавшегося беспредела – они справлялись более-менее успешно. Между русскими княжествами в 60-е годы не шло столь ожесточенной борьбы, как между граничащими непосредственно с Сараем ордынскими улусами. Этому способствовало и то, что Русь оказалась на периферии борьбы за контроль над столицей, и то, что никто из русских князей не мог претендовать на ханский титул.

Еще одним, до поры сдерживавшим взаимную агрессию русских князей фактором был авторитет Православной церкви.

Так, в 1367 году, когда в Твери возник конфликт между великим князем Михаилом Александровичем и удельными тверскими князьями, они, прекратив начавшуюся было междоусобную войну, решили обратиться с просьбой разрешить их спор по справедливости к митрополиту Московскому и всея Руси Алексию. Несомненно, что при наличии стабильной власти в Орде они поехали бы с этим вопросом туда. Но теперь авторитет ханской власти упал. И единственным авторитетом, стоящим над княжескими распрями, на какое-то время стал митрополит Киевский и всея Руси.



Строительство города. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

В этом же 1367 году в Москве спешно стали строить кремль из белого камня вместо прежнего деревянного. Строительству этому придавали в ту пору огромное военное и политическое значение, поэтому все было тщательно подготовлено и проведено в кратчайший срок. «Князь великий Димитрий Иванович, погадав с братом своим с князем с Владимиром Андреевичем и со всеми боярами старейшими, – говорится в летописи, – и сдумали ставить город каменный Москву, да как помыслили, так и сотворили. Той же зимой повезли камни к городу». А «того же лета на Москве почали ставить город каменный...» Его делали «без престани» и

к концу года, видимо, полностью завершили эту работу, обеспечив, таким образом, дополнительную защиту столице.

Каменная крепость, как и раньше деревянная, защищала лишь феодальный центр города. Разросшиеся к этому времени московские посады перешагнули уже и за Яузу, и за реку Неглинную, и за Москву-реку. Их защищали лишь отдельные форты – монастыри. Попытка построить какой-то вал для защиты Великого посада, предпринятая в XIV веке, не завершилась постройкой крепости.

Каменная стена кремля была протяженностью около двух километров и имела восемь или девять башен. Шесть из них были проездными. Трое ворот кремля выходили на наиболее угрожаемую, но и самую важную для сообщения с посадом сторону – к современной Красной площади.

Чтобы выстроить такие укрепления в одну зиму и одно лето, подвозя камень, должны были работать по крайней мере в течение летнего строительного сезона) ежедневно более двух тысяч человек. Среди них были, разумеется, и специалисты-мастера, которые выполняли работы, требовавшие наибольшей квалификации. Но основную массу строителей составляли, по-видимому, простые горожане и крестьяне, для которых «городоставление»

(как говорили в ту пору) было одной из феодальных повинностей, существовавших на Руси повсеместно.

Немалую роль в строительстве московского белокаменного кремля в 1367 году играло и московское боярство. Само решение о его постройке было принято советом князей – совладельцев Москвы и «старейших бояр». На Руси, как и в феодальных городах Западной Европы, строительство, содержание в порядке и организация обороны городских укреплений были обязанностью представителей знатных городских фамилий. На эту мысль наводят и некоторые древние названия кремлевских башен. Так Чешкова (позднее-Тайницкая) и Тимофеевская (позднее – Константино-Еленинская) башни названы по именам московских бояр Даниила Чешка и Тимофея Воронцова-Вельяминова. Можно предположить, что эти бояре были обязаны обеспечить строительство и оборону соответствующих башен, как это делали патриции западноевропейских городов, носившие звание «господ башни». Недаром в XIV – XV веках договоры между русскими князьями, предоставляя боярам свободу служить тому или иному князю, обязывают их участвовать в обороне того города, в котором они живут: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем а и ехати, кому служит речь идет о военном походе. – *Прим. авт.*) А городская осада, где кто живет, тому тут и сести...»

Итак, огромными усилиями всего московского населения в 1367 году был построен каменный кремль. Несомненно, митрополит Алексей понимал, что мирным путем русские княжества под властью Москвы не объединить. Он готовился к войне. А на войне, как говорится, все средства хороши. Постепенно набирая мощь, московский великий князь, «надеясь на свою великую силу, князей русских начал приводить в свою волю, а которые начали не повиноваться его воле, на тех начал посягать злобою», – писал тверской летописец.

В 1367 году главный соперник Дмитрия Ивановича, тверской князь Михаил Александрович, был приглашен в Москву «любо-вию», якобы для решения спора со своими удельными князьями. Михаил Александрович приехал, надеясь на беспристрастный суд великого князя и митрополита. Но обещание справедливого суда было только приманкой. Доверившийся митрополиту Михаил был посажен под арест на дворе одного из московских бояр – Гавриила (Гавши) Андреевича. Тверская летопись, повествуя об этом событии, жалуется в первую очередь на митрополита Алексея, как виновника обиды, нанесенной князю. Таким образом, в глазах тверичей авторитет митрополита Алексея серьезно пошатнулся.

Москвичи вскоре выпустили Михаила Александровича, видимо, опасаясь резкой реакции ханского представителя, прибывшего в Москву. Однако тверского князя принудили к подписанию невыгодного ему договора с Москвой.

Что ж, Михаил справедливо счел, что крестное целование, данное им под угрозой расправы, силы не имеет, и уже на следующий год началась война. На стороне своего зятя, Михаила, выступил литовский великий князь Ольгерд.

ЛИТОВЩИНА

Ольгерд, предприняв поход на Москву, действовал скрыто и решительно, так что в Москве очень поздно узнали о приближении литовского войска. Тотчас же из Москвы были разосланы грамоты по городам для сбора рати, но войска не подспели сойтись из отдаленных мест. Поэтому из воинов, бывших в Москве, спешно составили сторожевой полк под воеводством боярина Дмитрия Минина. Тем временем Ольгерд вошел в московские пределы и ознаменовал свое движение пожарами и грабежами, принявшись «...порубежные места жечи, сечи, гра-бити, пленити». Он дошел до реки Тростны, вытекающей из Тростенского озера к востоку от Волоколамска, и тут разбил московский сторожевой полк (21 ноября 1367 года). Пытая пленников, Ольгерд требовал от них ответа: «...где великий князь, есть ли при нем сила?» Пленники единогласно показывали, что великий князь Дмитрий сидит в Москве, а войска к нему еще не успели собраться. Тогда Ольгерд поспешил к Москве и остановился под городом.

В Кремле засел великий князь Дмитрий с двоюродным братом Владимиром Андреевичем и митрополитом Алексием. Все деревянные строения вокруг города были заблаговременно сожжены, и кремль приготовился к осаде. Построенный по последнему слову тогдашней техники, московский кремль был неприступной крепостью. Ольгерд простоял под Москвой три дня и три ночи, сжег церкви, монастыри и остатки строений вокруг кремля, но саму твердыню не взял. Он разорил окрестные села и со множеством пленных тронулся в обратный путь.

Поход Ольгерда произвел громадное впечатление на москвичей. «Прежде того столь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, даже и от татар не бывало», – пишет о первой литовщине современник.

«Другая литовщина», как ее называет летописец, произошла почти через два года после первой. Литовское войско под командой Ольгерда выступило поздней осенью 1369 года. С Ольгердом шли его братья и сыновья, тверской князь Михаил Александрович и смоленский князь Святослав «с силою смоленскою». 26 ноября произошел бой под Волоколамском. Ольгерд два дня бился под этим городом и не смог его взять. Защитой Волока руководил князь Василий Иванович Березуйский, погибший от раны, полученной необычным путем. Он стоял на мосту у городских укреплений, когда какой-то литвин пронзил его копьем («сулицею») из-под моста. Раненый князь разболелся и умер. «Тому хоробру такова слава», – восклицает современник об этом мужественном защитнике Волоколамска.

Потеряв под Волоколамском два дня, Ольгерд поспешил к Москве. На зимний Николин день (6 декабря) литовское войско подошло к городу. И на этот раз Ольгерд стоял под Кремлем восемь дней, «города Кремля не взял». В городе сидел великий князь Дмитрий Иванович, тогда как митрополит Алексий был в Нижнем Новгороде, а князь Владимир Андреевич вместе с подошедшей рязанской помощью стоял в Перемышле, заняв фланговую позицию.

Заметим, что Дмитрию Ивановичу в это время было 19 лет, а Владимиру Андреевичу было около 15-ти. Однако, описывая события Литовщины, летописцы пишут о князьях, как об уже вполне взрослых и умелых полководцах. В то бурное время князьям приходилось рано взрослеть. И конечно же, им помогали словом и делом верные слуги и соратники – бояре.



Копье XIV в.

После первого похода Ольгерд сделал вывод, что малой силой изгоном Москву не взять. В этот раз он собрал большое войско. Однако при этом был потерян фактор неожиданности. Москвичи, заблаговременно узнав о наступлении, не только успели собрать все свои войска, но и призвали на помощь союзников.

Теперь Ольгерд рисковал оказаться в клещах. Литовский князь «убоялся и начать мира просити. Князь же великий Дмитрий взял с ним мир до Петрова дня, а Ольгерд восхотел вечного мира, и хотел дать дочь свою за князя Владимира Андреевича. И так помирившись, ото-

шел от Москвы и возвратился в землю свою, и шел с многим опасением, озираясь и боясь за собою погони».

Летом 1371 года мир был укреплен брачным союзом. Князь Владимир Андреевич обручился с Еленой, дочерью Ольгерда, принявшей в крещении имя Евпраксии.

Этот брак устроил митрополит Алексей, причем в отсутствие Дмитрия Ивановича, который был в это время в Орде. Интересно, что после этого брака Ольгерд и Владимир между собой не сражались. Когда в 1372 году «Ольгерд, князь литовский, собрав воинов многих, в силе тяжкой собрался пойти ратью к Москве», Владимир Андреевич встретил литовцев у Любутска. «И стояли рати против друг друга, а промежду ними овраг крут и дебри велики зело, и нельзя полкам сняться на бой, и так стояли несколько дней, и взяли мир промежду собою, и разошлись разном».

Представляется странным, что два выдающихся полководца (Ольгерд и Владимир Андреевич) совершенно случайно привели свои войска к непроходимому оврагу, да так и не смогли его обойти для решительного боя.

В аналогичной ситуации оказались в 1216 году князья Юрий Всеволодович и Мстислав Удатный. Во время междоусобной войны за Владимирское княжество их армии после ряда маневров оказались на двух высоких холмах – на Юровой горе и на Авдовой горе, которые были разделены глубоким оврагом.

Встав друг напротив друга, противники тоже затеяли переговоры. Послы, отправленные Мстиславом к Юрию, предложили:

«Дай мир, а не дашь мира, то отступи далее на ровное место, и мы на вас пойдем, или мы отступим к Липице, а вы перейдете». Но Юрий ответил: «Мира не принимаю и не отступлю. Пришли вы сюда через всю нашу землю долгой дорогой, так разве через дебрь сию, через поток малый перейти не можете!»



Отступление Ольгерда от Москвы. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

И бой состоялся. После однодневного отдыха, на протяжении которого не прекращались мелкие стычки, войска Мстислава Удатного, преодолев труднопроходимый овраг, ударили на армию противника и в кровопролитном рукопашном бою нанесли ему сокрушительное поражение.

Но новоиспеченные родственники Ольгерд и Владимир Андреевич, похоже, не горели желанием победить любой ценой. Они предпочли переговоры.

«Литовщины» причинили большой вред Москве, особенно городским предместьям («посаду») и окрестным селам. Воспоминание о них было настолько прочным, что нашло свое

отражение в былинах. Они поют о женитьбе князя Владимира на литовской королеве Апраксии, конечно, давно спутав Владимира Андреевича XIV века с любимым былинным персонажем Владимиром Красное Солнышко. Да и в самой Литве сложился легендарный рассказ об этом событии. В нем говорится, что Ольгерд и Дмитрий поддерживали дружеские отношения. Вдруг Дмитрий Иванович без всякой причины прислал к Ольгерду своего посла с упреками, а с ним огонь т. е. огниво) да саблю, со словами: «Буду в земле твоей по красной весне и по тихому лету». Ольгерд вынул из огнива губку и кремень, запалил губку и отдал ее послу с обещанием: «Яз у него буду на Велик день и поцелую его красным яйцом-щитом, и с сулицею, а божиею помощью к городу Москве копье свою прислоню». На самый Великий день (т. е. на Пасху) князь великий с князьями и с боярами шел из церкви, а Ольгерд показался под Москвою на Поклонной горе. Испугавшись литовской силы, Дмитрий Иванович сам выехал к Ольгерду, поднеся ему большие дары, и помирился. Но Ольгерд этим не удовлетворился. В знак победы он сел на коня и с копьем в руке подъехал к городу, «...и копие свое к городу приклонил».

В этом рассказе чувствуется отголосок какого-то предания, а возможно, народной песни, сложенной в честь Ольгерда, с языческими мотивами о красной весне и тихом лете. Ольгерд в легенде поступает примерно так же, как древний Олег, повесивший щит на воротах Царьграда.

ПУТАНИЦА С ЯРЛЫКАМИ

Несмотря на пошатнувшийся авторитет ханской власти, русские князья продолжали ездить в Орду за ярлыками. Вот только теперь порой получалось, что ярлыки на одно и то же великое княжение получали сразу два князя из рук разных, враждующих между собой ханов.

Так в «Перемирной грамоте послов великого князя литовского Ольгерда Гедеминовича с великим князем Дмитрием Ивановичем» (июль 1371 года) в «любви и dokonчани» с князем Дмитрием Ивановичем значатся князья Олег Рязанский и Владимир Пронский, оба названные великими. А ведь в Рязанском Великом княжестве (а Пронск входил в него) мог быть только один великий князь. Причем решение о том, кто будет великим князем, принимали в Орде. Самовольно, не имея на то законных оснований, москвичи не могли в официальном документе именовать Пронского великим князем. Видимо, эта запись отражает конфликт из-за великого Рязанского княжения между Владимиром Пронским и Олегом Рязанским, аналогичный конфликту между Дмитрием Московским и Дмитрием Суздальским и Нижегородским за великое Владимирское княжение. То есть перемирие с Литвой было заключено в тот момент, когда на руках и у Олега Рязанского, и у Владимира Пронского были ярлыки на великое княжение от разных ханов.

Однако между Олегом Рязанским и Владимиром Пронским, несмотря на спор из-за великого Рязанского княжения, в то время не было военного конфликта. Олег даже доверил пронскому князю свою дружину, послав Владимира на помощь Москве против Ольгерда. Возможно, оба князя надеялись решить спор законным путем в Орде.

Так же, опираясь на Орду, задумал получить великое княжение Владимирское князь Михаил Тверской. Отчаявшись захватить Москву с помощью Ольгерда, Михаил едет в Сарай. Там в это время эмир Мамай (в очередной раз захвативший столицу Золотой Орды) посадил нового ставленника – царя Мамат Сал-тана. Михаил Тверской получил от него ярлык на великое княжество Владимирское. Видимо, реальное усиление Московского княжества послужило веской причиной для подобного шага Мамай. Но Дмитрий Иванович Московский отказался подчиниться Орде и не пустил Михаила Тверского во Владимир.

Дмитрий Иванович даже разослал «на все пути заставы», чтобы схватить тверского князя, но «много гонявше за ним, и не обретоша его...». Михаил возвращался через Литву.

Тогда Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем встали с войском в Переяславле-Залесском, перекрыв, таким образом, Михаилу Тверскому дорогу. Михаил, собравшийся было во Владимир, вынужден был отступить. Заметим, что во Владимир крупных военных сил Дмитрий не посылал. Достаточно было уже и того, что там сидели его наместники. Скрытно пробравшись к Владимиру с малой дружиной, князь Михаил Тверской не смог бы принудить их открыть ворота. А провести незаметно крупные военные силы через Переяславль-Залесский – личное владение Дмитрия Ивановича, он не решился, опасаясь военного столкновения со стоящими там силами Московского князя.

Посол ордынского царя, пришедший с князем Михаилом на Русь, «посылал к великому князю Дмитрию Ивановичу», приглашая его миром приехать во Владимир и присягнуть новому великому князю. Дмитрий отказался, заявив, что «в землю на княжение Владимирское Михаила не пушу; а тебе, послу, путь чист».

То есть Дмитрий, не подчинившись решению царя, все же предпочел наладить хорошие отношения с его послом Сарыход-жей. Князь даже пригласил посла к себе «с великою любовью». И посол приехал в Москву.

«Посол Сарыхожа на Москве у великого князя Дмитрия Ивановича многу честь и дары взял и вернулся в Орду, хваля и ублажая великого князя Дмитрия Ивановича». Да, на Москве не скупились на посулы и взятки, умело сочетая демонстрацию силы и льстивые уговоры.

Но Михаил Александрович Тверской не сдался. В тот же год он «отпустил сына своего князя Ивана во Орду» за помощью против Москвы. Однако в Орде уже были настроены благожелательно по отношению к московскому князю.

Дмитрий Иванович Московский в это же время сам приехал к царю в Мамаеву Орду с дорогими подарками. Он одарил «добре» и князя Мамаю, и царя, и царицу, и приближенных к царю князей, и в результате «пожалован был опять великим княжением Владимирским...».

А князю Михаилу Александровичу ордынский царь ответил так: «Княжение тебе уже давали великое и давали тебе рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении, и ты рати и силы нашей не взял, а говорил, что своею силою сядешь на великом княжении, и ты седи с кем тебе любо, а от нас помощи не ищи»...

Дмитрий Иванович вернулся из Орды победителем. Однако он не надеялся окончательно решить конфликт с Тверью по закону. Поэтому, находясь у Мамаю в Орде, он «выкупил» сына Михаила Тверского князя Ивана Михайловича за 10 тысяч серебра, «еже есть тьму рублев». То есть московский князь дал Мамаю взятку в 10 тысяч рублей, и тот, захватив тверского посла – Ивана Михайловича, – выдал его Дмитрию, как простого раба.

Тверской княжич сидел в плену на Москве, у митрополита Алексия на дворе до тех пор, пока Михаил Александрович не выкупил его и не подписал мирный договор с Москвой, отказавшись от великого Владимирского княжения.

Судя по этим свидетельствам летописей, Алексия и Дмитрия Московского можно обвинить в попрании законности, в нарушении писанных и неписанных этических норм и понятий, наконец, в торговле заложниками – даже среди современных бандитов подобные действия характеризуются емким словом «беспредел». Так что Ольгерд и Михаил Тверской имели теперь крупный счет к Дмитрию Ивановичу и митрополиту Алексию. Но если поступки своего политического противника – московского князя – они еще могли расценить как естественное поведение врага, то действий Алексия, который, в силу своего положения, должен был быть нейтральным и объективным, они не могли ни понять, ни простить.

Ради своих целей митрополит Алексий пожертвовал даже своим добрым именем. Находясь во главе боярского правительства при московском князе, он претворяет в жизнь политику, которую советские историографы именовали «централизаторской». Но точнее говоря, это была политика сосредоточения сил и богатств вокруг Московского княжества. Алексий не рассматривал Тверскую, Рязанскую, Новгородскую и другие земли как будущие составные части единого русского государства. Митрополит Алексий и московское боярство видели в них лишь конкурентов в борьбе за очередной жирный кусок, который хорошо бы прилепить к своим владениям. Основной политической линией Алексия было обогащение московского боярства и рост владений и влияния московского князя.

В этот период русские великие князья признавали хана Мамаевой Орды своим законным царем, платили ему дань, ездили к нему за ярлыками и воевали с его врагами.

Так, в 1370 году по указанию Мамаю князь Дмитрий Константинович Нижегородский «пошел ратью» на болгарского князя Асана. «Князь же Асан послал против них с молением и с челобитьем и со многими дарами. Они же дары взяли, а на княжении посадили Салтана, Бакова сына». В следующем году нижегородский князь предпринял новый поход против казанских татар и на реке Суре основал город Курмыш.

В это же время в рязанской земле обостряется борьба Владимира Пронского с Олегом Рязанским за великое княжение Рязанское. Московский князь Дмитрий Иванович уже применял силу при решении проблемы двух ярлыков. И у него получилось. Уладив вопрос с Владимирским великим княжением, Дмитрий Иванович решил аналогичным образом поступить и с двумя ярлыками на Рязанское великое княжение. Московский князь поддержал Владимира Пронского, потому что Олег Рязанский был слишком сильным противником и неудобным соседом. «Той же зимой (1371 года. – Прим. авт.) перед Рождеством Христовым было

побоище на Скорнищеве с рязанцами. Князь великий Дмитрий Иванович, собрав воинов многих, послал рать на князя Олега Рязанского, а воеводу с ними отпусти Дмитрия Михайловича Вольнского. Князь же Олег Рязанский собрал воинов многих, и вышел ратью против них. Рязанцы же, сурови суще, друг к другу рекоша: «не берите с собою доспехов, ни щитов, ни копий, ни какого иного оружия, но только берите с собою каждый по веревке, чтобы вязать Москвичей, потому что они слабы и страшливы и не крепки», – пишет московский летописец. Однако рязанцы напрасно храбрились. В бою на Скорнищеве они были разбиты, а князь Олег «едва убежал... И сел тогда на княжении великом Рязанском князь Владимир Пронский».

Во время его княжения в Рязани произошло некое народное возмущение, связанное со сбором дани. Судя по всему, рязанцы не хотели платить Владимиру Пронскому ордынский выход, ожидая, что скоро вернется к власти Олег Иванович и, естественно, возьмет дань повторно.

И они не просчитались. Княжил Владимир недолго. В этом же году «князь Олег Рязанский, собрав воинов, прииде ратью на Рязань изгоном, на князя Владимира Пронского, и согнал его, а сам сел на княжении на великом». Вернул Олег Иванович свое княжение с помощью мурзы Солохмира из соседнего с рязанским княжеством улуса Мохши. После чего Солохмир и еще несколько эмиров этого улуса перешли на службу к рязанскому князю. Об этом сообщается в родословных грамотах потомков Солохми-ра – Апраксиных и Хитровых.

Победив, Олег Иванович «схватил зятя своего князя Владимира Дмитриевича Пронского и приведе в свою волю». Из этой «воли» пронский князь уже не выходил до своей кончины, а умер он зимой 1373 года. Сын Владимира Дмитриевича, Иван Владимирович, был тогда малолетним и вынужден был разделить власть в Пронске со своими родственниками. Пронск, таким образом, оказался «под рукой» Олега Рязанского.

ДЕЛА ЦАРЬГРАДСКИЕ

«По твоему благословию митрополит и донныне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит! – благословляет москвитян на пролитие крови, – и ни к нам не приходит, ни в Киев не наезжает. И кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?!» Такое послание получил Константинопольский патриарх в 1371 году от литовского князя Ольгерда. И далее: Ольгерд требует «другого митрополита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород».

Константинопольским патриархом в это время снова стал Филофей – сторонник идеи объединения всех православных земель Руси (прежний патриарх Каллист умер от чумы летом 1363 года во время путешествия в Сербию. Почти полтора года в Константинополе не было патриарха. Только в октябре 1364 года император Иоанн V согласился на возвращение Филофея).

В 1362 году умер поставленный Каллистом литовский митрополит Роман. Нового митрополита на Литву не назначали, и литовская митрополия прекратила свое существование, а ее территория перешла под опеку митрополита Киевского и всея Руси, то есть Алексия. Но как митрополит Алексей не устраивал уже никого, кроме Москвы.

Глядя на список городов, нелепо утверждать, будто Ольгерд стремился к воссозданию литовской митрополии. Скорее, здесь отражено недовольство промосковской политикой Алексия. Действиями митрополита были недовольны не только литовцы, но также Тверь, Смоленск и даже находившийся в союзе и родстве с Дмитрием Ивановичем Московским, Нижегородский великий князь Дмитрий Константинович.

Видимо, понимая, что вернувшийся к власти патриарх Филофей не сместит поставленного им же митрополита, Ольгерд требует ограничить власть Алексия пределами тех земель, в интересах которых Алексей действует.

Итак, миссия, которую Филофей возлагал на Алексия – замирение и объединение православных земель, – провалена. Патриарх, поставивший ранее Алексия митрополитом, имеет все основания, чтобы усомниться в правильности своего выбора. Но о разделе митрополии он не желает и слышать. По позициям Православной церкви в Византии в последние годы и так было нанесено уже несколько существенных ударов.

Междоусобные и гражданские войны, потрясавшие Византию в середине XIV века, окончательно обескровили империю. На Западе выжидали, кто станет наследником агонизирующей Византии: кто-либо из ее старых соперников – Венеция, Сербия или Венгрия, – или она падет жертвой новых завоевателей – турок-османов.

Между тем реальная опасность со стороны турок не только для самой Византии, но и для претендентов на ее наследство быстро возрастала. Лишенная союзников империя теряла одну территорию за другой.

Политическая раздробленность, внутренние междоусобицы в балканских государствах, их соперничество между собой, а также с итальянскими республиками и Венгрией облегчили туркам проникновение в глубь Балканского полуострова.

В 1359 году турецкие войска впервые появились у стен византийской столицы. А вскоре султан Мурад правил в 1362—1389 годах), умный правитель и талантливый полководец, деятельно приступил к завоеваниям на Балканах.

В столь тяжелый для Византийской империи момент среди части придворной феодальной знати усилились латинофильские настроения. Латинофилы видели единственное спасение в помощи Запада. Эти иллюзорные надежды питал и сам византийский император Иоанн V Палеолог. Под давлением латинофилов Иоанн V решился на небывалый поступок: впервые

в истории Византии базилевс, признанный глава православного мира, решил покинуть свою страну не для совершения какого-либо заморского завоевательного похода, а для того, чтобы униженно просить католический Запад о помощи против турок.

В следующем году после захвата турками Галлиполи византийское правительство возобновило переговоры с папским престолом, находившимся в то время в Авиньоне. Речь шла о союзе против Турецкой державы. Но папство, как и прежде, неизменно условием помощи ставило заключение унии между православной и католической церквями. Но эта идея из-за решительного сопротивления большей части греческого духовенства и народных масс империи была заранее обречена на провал.

Летом 1369 года Иоанн V в сопровождении светских сановников отплыл в Италию. Симптоматично, что в свите императора не было духовных лиц. Константинопольская патриархия была категорически против переговоров об унии. Патриарх Филофей призывал к борьбе с ней не только греческое духовенство, но и православных иерархов Сирии, Египта и славянских стран, в том числе и Руси.

Тем не менее в октябре 1369 года в Риме Иоанн V принял с благословения папы Урбана V католичество, но из-за отсутствия представителей восточной церкви этот поступок императора рассматривался лишь как его личное дело, а не как акт объединения церквей. В конечном счете результаты переговоров Иоанна V с папством были ничтожны. У императора даже не оказалось денег на обратную дорогу. А его сын Андроник, оставленный регентом в Константинополе на время отсутствия отца, отказался выслать своему папочке-католику денег на обратную дорогу. Домой злосчастный император вернулся только в октябре 1371 года, после двухлетних мытарств.

В таких тяжелых для православной церкви условиях патриарх Филофей просто не мог допустить раздела русской митрополии. Но и проигнорировать жалобы на Алексея он не мог.

В 1372 году патриарх посылает грамоты митрополиту Алексею, Михаилу Тверскому и Ольгерду, убеждая их примириться. Кроме того, Филофей отправляет на Русь «близкого своего человека» Иоанна Докиана с неофициальным посланием Алексею (текст письма не сохранился).

Вскоре патриарх отправил на Русь второго «своего монаха» – Киприана, «человека, отличающегося добродетелью и благочестием, способного хорошо воспользоваться обстоятельствами и направлять дела в нужное русло». Официальной задачей Киприана было «примирить князей между собою и с митрополитом».

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Мысль человека за горами, а смерть его за плечами.
Народная мудрость

КТО ТАКИЕ ТАТАРЫ?

– Так вот они какие, татары, – высокий грек с длинной каштановой бородой во все глаза смотрел на проезжающих мимо всадников.

Почти все они ехали на мерно ступающих двугорбых верблюдах, и только двое галопировали на резвых, арабской породы конях, то обгоняя неторопливо шагающих кораблей пустыни, то снова возвращаясь к ним.

– Смотри, Пердика, – подтолкнул грек своего черноволосого шустроглазого помощника, – они все в цветных полосатых халатах. Интересно, все татары так одеваются?.. – И грек вопросительно посмотрел на другого своего попутчика – тучного, лысеющего армянина Ашота. – И вон чалмы на всех... Я слышал, что теперь уже все татары сделались магометанами.

Купец Ашот был человеком богатым и знающим. Раз в год он водил караван из Солдайи в Киев и обратно. Греческого монаха Киприана и его помощника Пердику он взял в попутчики просто как средство от скуки в дороге. Даже не стал брать с них денег за охрану, хотя охранники стоили его каравану немало. Но брать деньги со своих братьев-христиан, а тем более с монахов, купцу было как-то совестно. Тем более что этот Киприан оказался интересным собеседником. Однако Ашот счел, что немедленно отвечать на вопрос византийца будет ниже его достоинства. Сперва армянин тщательно прожевал финик и выплюнул косточку.

– Какие же это татары?.. Это согдийцы, – изрек он наконец, проводив глазами удаляющийся в восточном направлении караван верблюдов. – А полосатые халаты на них, потому что эти купцы из Хорезма. Домой, наверное, возвращаются...

На следующий день, после долгого перехода по выжженной степи они увидели оазис. Несколько зеленых деревьев, а над ними макушку минарета и четыре башенки, увенчанные полумесяцами. Вокруг мечети во все стороны, куда хватало глаз, на земле стояли многочисленные юрты и походные кибитки.

В окрестностях оазиса, выгапывая пожухлую степную траву, паслись многочисленные стада овец и низкорослых большеголовых лошадок. Тут и там мелькали по степи, верхом на таких же лошадках, пастухи. На головах у них чернели высокие войлочные шапки.

– Вот они, татары! – снова всплеснул руками Киприан. – Смотрите! Низкорослые лошади, одежда из войлока...

– Какие же это татары? – рассмеялся Ашот, выглянув из-за кожаного полога. – Это кыпчаки. Такие же, как вон эти мои охранники, – он кивнул на радостно ухмыляющегося загорелого верзилу, соломенноволоосого Кундуза, едущего рядом с повозкой. – А этот город – Солхат. Кони и другие кыпчакские товары тут стоят дешевле всего. Сейчас большая ярмарка. Задержимся здесь на день. Тут есть караван-сарай и несколько глинобитных домов. А остальное... – армянин пренебрежительно махнул рукой, в сторону юрт и кибиток. – Когда овцы и лошади сожрут всю эту траву, они откочуют в другое место...

Ашот торговал в Солхате недолго. Он продал два маленьких венецианских зеркальца и, купив на вырученные деньги еще дюжину невзрачных кыпчацких лошадок, тут же запряг их в повозки. Теперь все длинные повозки Ашота шли вперед немного быстрее, запряженные не тремя, а четырьмя парами лошадей.

Через несколько дней, миновав Перекоп и засушливую, почти безлюдную степь, в которой только пару раз попадались кочевья кыпчаков, караван подошел к первой на пути полноводной реке. Накатанная колея вела их прямо к воде, мимо нескольких приютившихся у берега мазанок с соломенными крышами.

Заметив приближающийся караван, из мазанок выскочили смуглые от загара, одетые в белые холщовые рубахи люди. Они радостно обступили первую телегу и, размахивая руками, принялись торговаться с Ашотом о цене перевоза. Говорили они по-славянски, но с каким-то странным акцентом.

Когда последняя из шести телег благополучно переправилась через реку на массивном, скатанном из бревен пароме, Ашот принялся неторопливо отсчитывать перевозчикам маленькие серебряные монетки – аспры. Впрочем, получив серебро, перевозчики почти все тут же потратили, купив у Ашота кое-что из товаров.

Лишь только повозка, в которой ехали Ашот и Киприан, снова двинулась в путь, монах, пригладив тонкими сухими пальцами свою холеную бороду, нерешительно задал караванщику-армянину все тот же вопрос:

– Может, вот эти и были татары? Караванщик удивленно посмотрел на монаха и, насмешливо улыбаясь, покачал головой.

– Они такие же татары, как и мы с тобой, грек... Это бродники.

Дальнейшее путешествие проходило так же уныло-спокойно. Все больше попадалось у них на пути рощ и перелесков. Еще несколько раз повозки Ашота переплывали на паромах или вброд переезжали встречающиеся по пути реки, пока наконец не начали появляться в степи распаханное поля.

– Ну вот, – радостно сообщил как-то Ашот заскучившему греку. – Скоро начнутся русские земли. А потом, когда я приеду в Киев...

Но договорить ему не дал встревоженный крик охранника – кыпчака Кундуза.

Киприан и его товарищ высунулись из-за полога. Вокруг повозок и испуганно озирающихся кыпчаков – охранников гарцевало два десятка воинов. Говорили они не по-славянски и одеты были в кожаные доспехи и островерхие мохнатые шапки. Лишь один из них, видимо, самый главный, сверкал начищенным до блеска коническим шлемом и переливающейся на солнце, словно змеиная чешуя, кольчугой.

Ашот, торопливо запихнув любопытных греков внутрь повозки, сам вылез наружу и вступил в переговоры с незнакомцами, обращаясь к ним на славянском языке. Через некоторое время он снова забрался внутрь, недовольный, красный, как рак. Высунувшись, заорал на возниц и торопливо махнул рукой:

– Трогай! – а потом, обернувшись к монаху, пояснил ему: – Снова таможенную пошлину подняли, лихоимцы... Война у них, видишь ли! А я виноват, что ли, в ихней войне?!

– Татары? – понимающе закивал головой Киприан.

– Да какие это татары... Литовцы... Воюют снова с каким-то русским князем или между собой.

Они не успели еще далеко отъехать, как позади послышался звук трубы и тревожные крики. Киприан снова высунулся из-за полога. Страна, в которой ему предстояло выполнить важную, порученную самим патриархом, миссию, казалась ему сейчас каким-то непостижимо сложным клубком, смотанным из множества разноцветных, перепутавшихся между собой ниток.

Вечерело. На фоне закатного неба по самой гриве близлежащего холма промчались верховые в высоких шапках, во главе с одним, одетым в кольчугу. Те самые, что взяли с караванщика деньги.

Вскоре рядом с греком высунул свою голову и Ашот.

– Что, удрали?

– Ага, – кивнул монах. И тут на самой вершине холма показался еще один всадник.

Замерев на секунду, он махнул торопливо рукой и, пришпорив коня, канул во тьму. А следом за ним на вершине холма замелькали еще какие-то конные силуэты. Закатное солнце багрово-красным алело на их конических шлемах и на остриях поднятых кверху пик. А через миг всадники скрылись из виду, словно их и не было вовсе.

– Кто это был? Тот русский князь, с которым воюют, или снова литовцы? – шепотом поинтересовался монах.

– А черт их разберет, этих татар, – раздраженно махнул рукой армянин. – Лишь бы не пограбили да второй раз с меня пошлин не взяли.

СПЕЦАГЕНТ КИПРИАН

Будущий митрополит всея Руси Киприан родился в 1336 году в Болгарии, в боярской семье Цамвлаков. О первых годах его жизни мало что известно. Есть только сведения о том, что в 1350-х годах он эмигрировал в Византию. С этого момента и началась карьера будущего митрополита всея Руси.

По своим убеждениям Киприан принадлежал к популярному тогда в Византии религиозному течению исихастов, – православных гуманистов своего времени. Это были аскеты-созерцатели, убежденные, что человек способен вступать в непосредственное общение с божеством и что богословие должно основываться не на философских измышлениях и допусках, а на опыте общения с богом, церковном и личном. Их звали «исихастами», что в переводе с греческого значит «покоиться», «безмолвствовать», «молчать». Вместо того чтобы вести бесконечные богословские споры, они в своей душе разговаривали с богом, пытаясь понять замысел творца, а затем улучшить этот мир.

По мнению историка Г.М. Прохорова, исихасты, начинавшие как отшельники, постепенно вовлекались в политическую жизнь, а к середине XIV века они встали во главе православной церкви – мощной международной организации, в то время более общественно эффективной, чем окончательно подорвавшее свои силы византийское государство. Во время гражданской войны в Византии в 1341 – 1347 годах исихасты подвергались репрессиям. Но придя к власти, они не уподобились своим противникам. Казней не было. Для Средних веков, надо заметить, это удивительное явление.

Заслуживает внимания отношение исихастов к миру. Когда митрополит Филофей, утомленный борьбой с людьми, «находящими удовольствие в неслыханных притеснениях и ограблениях бедных», решил удалиться в монастырь на тихий Афон, этому решительно воспротивился апологет исихастов-созерцателей Григорий Палама: «Да не возжелает этого занимающийся общественными делами!»

Таким образом, зародившись на Балканах, распространяется по всей Восточной Европе своеобразный тип культурного и общественного деятеля – исихасты шли «в мир». Это были монахи, прошедшие суровую выучку у опытных «старцев», знающие цену культуре, неплохо образованные. Они сочиняли богословско-полемические трактаты, гимны и молитвы, писали иконы, переводили с греческого на славянский священные книги. Исихасты становились во главе монашеских обществ, церковных общин городов.

Киприан разделял мировоззрение исихастов и активно участвовал в общественно-политической деятельности, претворяя идеи учения в жизнь. Интересны социально-этические взгляды исихастов. Они никогда не стремились к власти ради самой власти. Власть для них была лишь средством самозащиты. Так, Филофей стал патриархом, чтобы остановить репрессии против исихастов. Он стремился воссоединить православные государства вокруг своей кафедры, чтобы защитить православие от нарастающего натиска католицизма и мусульманства. Исихасты не посягали на чужое – не вели миссионерской деятельности, не насаждали силой своего понимания мира. Насилие, как средство идеологической борьбы, было для них неприемлемо. Они делали ставку на пропаганду, на убедительность своих доводов в ходе открытой полемики. Видимо, именно эту систему ценностей и воспринял Киприан, который вскоре после прибытия в Константинополь был замечен патриархом и вскоре стал его доверенным помощником. Идея Филофея об объединении православных государств стала для Киприана руководством к действию. Эту мечту он будет воплощать всю свою жизнь.

В конце 1372 года Киприан по поручению патриарха Филофея прибыл в Великое княжество Литовское, где сблизился с Литовским князем и с членами великокняжеского совета – «рады». С ними Киприан вступил в «тесный союз». Видимо, наслушавшись, как литовские

князя характеризуют митрополита Алексия, Киприан не решился поехать к нему в Москву. Вместо этого он поехал в Тверь к князю Михаилу Александровичу и находился там до весны 1374 года.

Тверь в это время находилась в тесном союзе с Литвой и не прекращала военных действий против московского князя. Так, под 1373 годом Московская летопись сообщает, что «князь Михайло Тверской подвел рать Литовскую в тайне, князя Кейстута с сыном Витовтом, князя Андрея Полоцкого, князя Дмитрия Друцко-го и иных князей литовских, а с ними Литва, Ляхи, Жемоть. И пришли изгоном, без вести... к граду Переяславлю-Залесскому, и посад около города и церкви и села пожгли, города же не взяли, а бояр и людей множество полонили, а иных побили, а имения пограбили и отошли с великой корыстью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.